

Слияние

Пол Макоули

Дитя реки

1997

Макоули П.

Дитя реки / П. Макоули — 1997 — (Слияние)

Это – Слияние. Искусственно созданный мир. Мир гигантской, сквозь космос текущей Реки. Мир ее побережий и ее островов, ее тайн и ее загадок. Это – Слияние. Мир, ставший домом для тысяч странных рас, чей геном преобразован был некогда таинственными Хранителями, давно исчезнувшими где-то в Черной Дыре. Мир, брошенный своими богами. Мир, в который недавно вернулись Древние – прародители Хранителей, еретические боги, затерявшиеся во времени и пространстве соседней галактики. Это – Слияние. Мир, в который однажды пришел Йама. Дитя, что найдено было на груди мертвой женщины в белой ладье, плывшей по Великой Реке. Дитя, что выросло в странного юношу – юношу, способного управлять машинами, царящими над народами Слияния. Дитя реки, коему предстоит стать то ли спасителем, то ли погубителем мира Слияния. Ибо он – СВОБОДЕН. Свобода же воли несет перемены. А мир Слияния стоит, только пока он неизменен...

Содержание

1	5
2	12
3	21
4	29
5	38
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пол МАКОУЛИ ДИТЯ РЕКИ

Посвящается Каролине – тихой гавани сердца.

*Восславим Бога! Ибо слово
Миры в движенье привело,
Законом Зло оно сковало,
Его презренью обрекло.*

Кемпторн

1 БЕЛАЯ ЛОДКА

Констебль Эолиса, человек прагматичный и хитрый, в чудеса не верил. На его взгляд, все должно иметь свое объяснение, и, желательно, объяснение простое.

– Чем нож острее, тем чище срез, – частенько говаривал он своим сыновьям. – Если кто-то слишком много болтает, то наверняка врет.

Но до конца своих дней он так и не нашел объяснения истории с белой лодкой.

Случилось это однажды ночью, в самой середине лета, когда в огромном черном небе над Великой Рекой сияла лишь размытая россыпь звезд, и Око Хранителей, величиной с ладонь, не больше, тускло светилось красной воронкой. Горстка огней Эолиса – городка вовсе не крупного – и огоньки стоящих на якоре карак горели ярче любого небесного светила.

Люди Эолиса с трудом переносили летний зной. Весь день они спали подле своих бассейнов и фонтанов, принимаясь за работу, только когда Крайние Горы цепкими челюстями впивались в заходящее солнце, а отдыхать отправлялись, лишь только обновленное светило возникало поутру над пиками вершин. Летом лавки, таверны, мастерские ремесленников не закрывались с сумерек до самого рассвета. В полночь рыбацьи лодки отправлялись за добычей по черным речным водам, вылавливая светящихся в ночной тьме полипов и бледных креветок, а улицы Эолиса заполнялись толпами людей, и неумолчный гомон толпы разносился по ярко освещенным набережным под оранжевым светом фонарей. В летнюю ночь огни Эолиса сияли на объятom тьмою берегу, как маяк.

В ту самую ночь констебль и два его старших сына возвращались на веслах в своей небольшой лодке – скифе – в Эолис. На борту, кроме них, находились два странствующих речных торговца. Их арестовали за попытку доставить тюки с контрабандными сигаретами горным племенам, жившим на диких берегах Эолиса. Часть груза – мягкие тюки, упакованные в пластик и промасленную ткань, – была сложена в носовом трюме, а сами торговцы, связанные, как бараны на закланье, лежали на корме. В короткой перестрелке пострадал мощный мотор лодки, и теперь сыновья констебля, ростом не ниже своего отца, сидя бок о бок на средней банке, выгребали против течения. Сам констебль расположился на высокой корме лодки, на кожаной подушке, и направлял судно к маячившим вдалеке огням Эолиса.

Констебль то и дело прикладывался к кувшину с вином. Был он человек крупный, с серой обвислой кожей, черты лица грубые, будто второпях вылепленные из глины. Из-под пухлой верхней губы торчала пара клыков – острых, как кинжалы. Один клык сломался, когда кон-

стебель дрался со своим отцом и убил его. Потом он поставил на клык серебряную коронку, и она клала о горлышко кувшина всякий раз, когда констебель делал глоток вина.

Настроение у констебля было мрачное. Та половина груза, что достанется ему (вторая отойдет эдилу, если тот хоть на минуту оторвется от своих раскопок, чтобы огласить приговор торговцам), принесет солидную прибыль, но вот арест прошел не гладко. Речные торговцы наняли для охраны целую банду негодяев, и те оказали отчаянное сопротивление, пока констебель и его сыновья с ними не справились. На плече констебля была глубокая рана, удар рассек жир и достиг мышцы, а спину рикошетом обожгла пуля, та самая, что попала в мотор лодки. К счастью, оружие, сделанное наверняка еще до основания Эолиса, при втором выстреле взорвалось и убило стрелявшего, однако констебель чувствовал: не следует слишком долго полагаться на удачу. Он стареет, теряет сноровку, ошибается, прежняя сила и прыть уходят. Он знает, рано или поздно один из сыновей бросит ему вызов. Может, сегодняшняя бестолковая заваруха – предвестник его падения? Как все сильные люди, он хуже смерти страшился собственной слабости, ибо лишь силой он умел измерять ценность всего окружающего.

Он то и дело оборачивался взглянуть на догорающую лодку контрабандистов. Она сгорела до ватерлинии, и теперь остатки ее мерцали неверным светом, качаясь на собственном отражении далеко-далеко на широкой глади реки. Сыновья констебля отогнали ее на илистую мель, чтобы течение не носило ее меж плавучих островков смоковниц, которые в это время года медленно кружат по заросшему водорослями мелководью, среди отмелей Великой Реки, связанные лишь тоненькими нитями корешков.

Из двух арестованных один лежал, будто сытый крокодил, в неподвижном оцепенении, очевидно, покорившись своей судьбе, а вот его напарник, высокий костлявый немолодой торговец, в одной набедренной повязке и разматавшемся тюрбане, все время пытался уговорить констебля их отпустить. Его связали рука к ноге, так что тело выгнулось наподобие лука, и теперь он лежал в люке, глядя на констебля снизу вверх, улыбаясь вымученной, жалкой улыбкой и широко раскрыв глаза, так что вокруг сузившихся зрачков были видны покрасневшие белки.

Сначала он пробовал льстить констеблю, а теперь перешел к угрозам.

– У меня много друзей, капитан. Им не понравится, что ты меня запер в тюрьму, – говорил он. – Никакие стены не устоят перед их дружбой, ведь я – человек щедрый. По всей реке знают мою щедрость.

Рукоятку хлыста констебель стукнул торговца по тюрбану и уже в четвертый или пятый раз посоветовал ему замолчать. Судя по стреловидным татуировкам на пальцах, торговец принадлежал к одной из уличных банд, обитающих у древних причалов Иза. Кто бы ни были его друзья, они находятся в сотне миль вверх по реке, а завтра к вечеру и этот торговец, и его товарищ будут уже казнены.

Тощий торговец забормотал:

– В прошлом году, капитан, я дал денег на свадьбу сыну одного из моих самых близких друзей, который погиб в самом рассвете сил. Злая судьба не оставила его вдове ничего, кроме комнаты, которую она снимала, и девяти детей. Несчастная обратилась ко мне, и я в память о своем друге, его мудрости и добром нраве взялся все устроить. На празднике ели и пили четыре сотни людей, и всех я считаю своими друзьями. Чего только не было на столе: заливное из перепелиных языков, целые горы устриц, икра, мясо ягнят, мягкое, как масло, в котором его тушили.

В этом рассказе, может, и была чуточка правды. Может, старик и бывал на такой свадьбе, но оплатить ее явно не мог. Не стал бы тот, кому по карману подобная благотворительность, ввязываться в столь рискованное дело, как контрабанда сигарет горским племенам.

Констебель прошелся плетью по ногам пленника и сказал:

– Ты уже мертвец, а у мертвецов не бывает друзей. Возьми себя в руки. Пусть наш город и невелик, но у нас есть оракул, по всей реке это последнее место, где прорицатели говорили с народом, пока еретики не заставили их умолкнуть. Паломники все еще идут к нам, хотя прорицатели больше и не говорят, они все равно слушают. После приговора тебе позволят побеседовать с ними. В оставшееся время предлагаю тебе поразмыслить, чем ты отчитаешься перед ними за свою жизнь.

Один из сыновей констебля засмеялся, и констебль стегнул плетью по их широким спинам.

– Гребите, – сказал он, – и тихо тут!

– Перепелиные языки, – повторил болливый торговец. – Все, что угодно вашей душе, капитан. Только скажите, и все получите. Я могу вас озолотить. Могу отдать вам собственный дом. Он похож на дворец. В самом сердце Иза. Не в этой вонючей дыре.

Лодка качнулась, когда констебль прыгнул в люк. Его сыновья вяло выругались и вновь взялись за весла. Констебль сбил с несчастного торговца тюрбан, подтянул его голову за грязный клубок волос, и тот еще не успел вскрикнуть, как констебль засунул ему в рот два пальца и ухватил скользкий извивающийся язык. Торговец поперхнулся и хотел укунить констебля за пальцы, но зубы даже не оцарапали задубевшую кожу. Констебль вынул нож, отсек пол-языка и швырнул комок плоти за борт. Торговец захлебывался кровью и бился, как выброшенная на берег рыба.

В тот же миг один из сыновей констебля выкрикнул:

– Лодка! Впереди лодка! По крайней мере – огни.

Это Уртанк, тупой жестокий детина, ростом уже с отца. Констебль знал, что скоро Уртанк уже бросит ему вызов, но знал также, что тот проиграет. Уртанк слишком глуп, чтобы выжидать момент, не в его натуре сдерживать свои порывы. Нет, Уртанку с ним не справиться. Кто-нибудь из остальных – это да. Но все же вызов Уртанка станет началом его конца.

Констебль взгляделся во тьму. На мгновение ему показалось, там мелькнул какой-то огонек, но лишь на мгновение. Может, это пылинка в глазу или же смутный свет звезды, мерцающей у самого горизонта.

– Тебе почудилось, – сказал он, – гребите давай, а то солнце встанет раньше, чем мы вернемся.

– Я видел, – упрямо возразил Уртанк.

Второй сын, Унтанк, засмеялся.

– Вон! – закричал Уртанк. – Опять! Прямо по курсу! Я же говорил!

На этот раз и констебль увидел блики света. Первой его мыслью было: а вдруг торговец все-таки не врал, не хвастал? Он спокойно сказал:

– Полный вперед! Чтоб как на крыльях.

Скиф заскользил против течения, а констебль вытянул футляр из сумки на поясе своего белого полотняного килта. Торговец с отрезанным языком издавал влажные давящиеся звуки. Констебль пнул его ногой, чтобы замолчал, а потом открыл футляр и достал оттуда очки, лежащие на шелковой, слегка промокшей подкладке. Очки эти были самой ценной собственностью их семейства, переходя от потерпевшего поражение отца к победителю-сыну уже больше чем в ста поколениях. Выглядели они как ножницы без лезвий. Констебль отогнул дужки и осторожно нацепил очки на свой крупный нос.

Тотчас вокруг плоского корпуса скифа, тюков контрабандных сигарет в носовом трюме возникло мягкое сияние; сгорбленные спины сыновей констебля и навзничь лежащие тела двух пленников засветились печным жаром. Констебль обвел глазами реку, не обращая внимания на щербинки и царапинки в старом стекле линз, которые искажали и туманили усиленный луч света. Вдали, примерно в полулиге от своей лодки, он увидел кучку мелких, но очень ярких огоньков, пляшущих по глади реки.

– Машины, – выдохнул констебль. Он встал между пленниками и рукой показал сыновьям, куда плыть.

Скиф заскользил вперед, направляемый указаниями констебля. Когда они подошли ближе, констебль увидел, что там были сотни и сотни машин, целое облако, суетливо вращающееся вокруг невидимой оси. Ему частенько приходилось видеть одну-две, пролетающие в небе над Эолисом по своим непостижимым делам, но никогда прежде не случалось встречать в одном месте такую массу машин.

Что-то глухо ударило о борт скифа. Уртанк выругался и поднял весло. Это оказался гроб. Их каждый день тысячами пускали по волнам в Изе. На мгновение перед констеблем возникло женское лицо, будто глядящее на него сквозь прозрачную воду; оно зеленовато мерцало в окружении уже гниющих цветов. Потом гроб повернулся другим концом, и его унесла река.

Скиф тоже развернуло течением. Теперь к облаку машин он стоял бортом, и тут констебль впервые заметил, вокруг чего они так деловито суетились.

Лодка. Белая лодка, высоко сидящая в медленных водах реки.

Констебль снял очки и обнаружил, что лодка светится призрачным сиянием. Вода вокруг нее тоже мерцала, как будто лодка плыла в самой середине флюоресцирующего облака светящегося планктона, который временами поднимается к поверхности тихой летней ночью. Сияние разлилось вокруг скифа, и каждый удар весел разбивал жемчужный свет на массу кружащихся блестящих спиц. Казалось, дух машин живет над самой поверхностью реки.

Торговец с отрезанным языком взвыл и закашлялся, а его товарищ приподнялся на локтях, чтобы увидеть, как белая лодка, легкая, словно перышко, разворачивается по течению будто танцор, едва касающийся воды.

У лодки был острый задранный нос и вогнутые, смыкающиеся в центре борта, которые к корме снова расходились вроде голубинового хвоста. Размером она была не больше обычного гроба. Лодка снова развернулась и словно бы потянулась, как кошка, а затем оказалась рядом со скифом и бесшумно к нему прижалась.

В тот же миг констебль и его сыновья попали внутрь машинного облака. Такое впечатление, что они нырнули в самую гущу какой-то туманности, машин было сотни и каждая горела яростным белым огнем размером не больше жука-носорога. Уртанк попробовал сбить одну, висящую прямо перед ним, и забормотал проклятия, когда в ответ она ужалила его красным жгучим лучом и обдала резким жаром.

– Спокойно, – сказал констебль, а кто-то еще выкрикнул:

– Бежим!

Констебль с удивлением оторвался от зрелища сияющей лодки.

– Спасайтесь, – снова повторил второй торговец, – спасайтесь, идиоты!

Оба сына подняли весла и смотрели на своего отца. Ждали приказа. Констебль убрал очки и заткнул плетью рукояткой за пояс. Он не мог выказать страх. Он протянул руку сквозь кружащиеся огни машин, дотронулся до белой лодки.

Корпус ее был легким и плотным, как оперение птицы, и под рукой констебля вогнутые борта вдруг разошлись с легким потрескиванием. Еще в детстве констеблю случалось бродить по диким берегам ниже Эолиса, и однажды он наткнулся на кровавую орхидею, растущую в корнях капкового дерева. Почуввав тепло его тела, орхидея издала точно такой же звук, раздвинув свои мясистые лепестки и открывая желтые изгибы пестика. В ужасе он опрометью бросился прочь, прежде чем одурманивающий аромат орхидеи сморил его; и сейчас пережитый когда-то страх остановил его руку.

Кончики пальцев ощущали легкий жадный трепет. Изнутри лодки лился золотой насыщенный свет, в нем роились пылинки. И в этом потоке света констебль заметил контуры тела. Сначала он решил, что это еще один пущенный по течению гроб. Наверное, гроб знатного

господина или дамы, но по сути своей то же самое, что и убогий картонный гроб нищего или деревянный глазурованный – ремесленников и торговцев.

И тут закричал ребенок. Констебль всмотрелся в светлое пятно, увидел там какое-то движение и протянул руку. На секунду он оказался в самой гуще бешеного танца машин, а потом они исчезли, унеслись во тьму, оставив лишь слабеющие следы траекторий. Ребенок, а это был мальчик – светлокожий и толстенький, совсем без волос, – шевелился в руках констебля.

В глубине сырой лодки золотистый свет медленно гас. Несколько секунд – и остался лишь его свет: какие-то радужные прожилки и пятна, обрисовывающие контур мертвого тела, на котором лежал младенец.

Это был труп женщины, полностью обнаженной, с плоской грудью. Очень худая и тоже совсем без волос – как и ребенок. Ее убили выстрелом в грудь и в голову, но крови не было. На одной руке у нее было три пальца, как на грейферах в порту Эолиса, другая же, чудовищно раздутая, раздваивалась наподобие клешни лобстера. Кожа слегка серебрилась, глаза – огромные, фасетчатые, как у какого-то насекомого, а цвет – кроваво-красный рубин. В каждой грани мерцают вспышки золотистого цвета. Констебль понимает – это лишь отражение меркнувшего свечения белой лодки, но все же ему кажется, что в удивительных глазах мертвой женщины таится что-то живое, живое и злобное.

– Еретичка, – сказал второй торговец. Ему удалось приподняться и встать на колени. Теперь он во все глаза смотрел на белую лодку.

Констебль пихнул его в живот, тот закашлялся и повалился в трюмную воду рядом с товарищем. Однако торговец снова взглянул на констебля и повторил:

– Ересь. Наши добродушные бюрократы впустили в мир ересь, когда позволили кораблю Древних пройти мимо Иза вниз по реке.

– Давай прикончим его прямо сейчас, – сказал Уртанк.

– Он и так уже труп, – ответил констебль.

– Не труп, раз болтает, как изменник, – упрямо возразил Уртанк. Он в упор уставился на отца.

– Прости, – сказал торговец. – Вы же видели, как вниз по реке идут корабли с пушками и осадными машинами, идут на войну. Но в мир пришло еще много более страшного оружия.

– Давай его убьем, – сказал Уртанк.

Малыш поймал ручками большой палец констебля. Он гримасничал, будто хотел улыбнуться, но вместо этого пускал пузыри.

Констебль мягко высвободился и посадил ребенка на кормовое сиденье. Он двигался осторожно, словно воздух вокруг скрывал невидимые препятствия. Спинай он постоянно ощущал горящий взгляд Уртанка. Овернувшись, констебль сказал:

– Пусть говорит. Он может что-нибудь знать.

Торговец сказал:

– Чиновники хотят пробудить Иерархов от сна. Кто говорит, что с помощью науки, кто – колдовства. Они так напуганы ересью, пожирающей наш мир, что готовы на все, только бы ее остановить.

Уртанк сплюнул.

– Все Иерархи померли уже десять тысяч лет назад. Каждый знает. Их убили, когда Мятежники разрушили храмы и большинство фантомов.

– Иерархи пытались пойти за Хранителями, – сказал торговец. – Они поднялись выше, чем любой другой род, но все же не настолько, чтоб их нельзя было призвать назад.

Констебль толкнул говорящего и буркнул:

– Хватит теологии. Эта женщина из их слуг?

– Из – велик, в нем много чудес, но такого я никогда не видел. Наверняка это уродливое существо создано запрещенными методами. Те, кто пытается изобрести такое оружие, еще хуже еретиков. Уничтожь его! Верни туда ребенка и потопи лодку!

– Почему я должен тебе верить?

– Я, конечно, дурной человек. Признаю. Я продам любую из своих дочерей, если это принесет мне прибыль. Но в юности я учился. И учили меня хорошо. Я помню, что мне говорили, и знаю, все эти вещи существуют вопреки воле Хранителей.

Уртанк медленно произнес:

– Надо вернуть ребенка. Не наше это дело.

– Все на реке на день пути вверх и вниз – мое дело. – ответил констебль.

– Ты ничего не знаешь, – сказал Уртанк, – только воображаешь, что знаешь.

Констебль понял – бедный Уртанк выбрал момент. Уртанк тоже понял. Он слегка подвинулся на банке, чтобы уже не касаться плечом своего брата. Констебль поймал его взгляд и сказал:

– Сиди на месте, мальчик.

На мгновение казалось, что Уртанк не станет нападать. Но тут он набрал полную грудь воздуха, зарычал и с этим рыком бросился на отца.

Плеть обвилась вокруг шеи Уртанка, и звук от щелчка далеко покотился по черным водам. Уртанк упал на колени, пальцами хватая петлю, затянувшуюся под отвислым подбородком. Констебль взялся за рукоять обеими руками и дернул ее в сторону, словно это была удочка, на которую клюнула гигантская рыба. Скиф дико заплясал на волнах, и Уртанк, не удержавшись, шлепнулся в воду. Но кнута не выпустил. Конечно, он глуп, но и упрям тоже.

Констебль покачнулся, выпустил кнут – тот просвистел, как змея – и тоже упал за борт.

Погружаясь в холодную воду, констебль сбросил свои высокие просторные сапоги и снова вынырнул на поверхность. Он почувствовал, как кто-то тянет его за край килта, и в следующий миг Уртанк камнем повис на нем, со страшной силой двинув локтем по лицу так, что искры посыпались из глаз. Сцепившись, они вновь оказались в мягко светящейся воде, затем опять рванулись вверх глотнуть воздуха на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

Констебль выплюнул воду и жадно вдохнул:

– Ты слишком легко впадаешь в ярость, сынок. Это всегда было твоим слабым местом.

Он заметил, как сквозь млечное сияние метнулась рука Уртанка, и отразил удар собственным ножом. Клинок лязгнул, лезвия заскользили, сцепившись у рукояток. Уртанк зарычал и надавил, он был очень силен. Страшная боль пронзила констебля, когда нож вывернулся из кулака и клинок Уртанка впился в его руку. Констебль подался назад, а Уртанк замахнулся, стараясь попасть ему по лицу, поднимая брызги.

– Старый, – сказал Уртанк, – старый и медлительный.

Мелкими круговыми гребками констебль держался на воде. Он чувствовал, как горячими толчками в воду сочится его кровь. Уртанк задел вену. Он ощущал тяжесть во всем теле, ныла рана на плече, но, кроме того, он чувствовал, что еще не готов умереть.

– Ну давай, сынок, посмотрим, кто сильнее, – сказал он.

Уртанк усмехнулся, обнажив клыки, и бросился в атаку. Он плыл, держа нож в вытянутой руке, надеясь нанести смертельный удар, но вода замедляла его движения, и констебль заранее знал, что так и будет. Он кидался то в одну сторону, то в другую, все время успевая уклониться, а Уртанк дико колотил руками, бормоча проклятия и понапрасну тратя силы. Отец и сын напряженно кружили по воде, и краем глаза констебль заметил, что белая лодка оттолкнулась от скифа, но не мог задержаться на этой мысли, отражая новый выпад Уртанка.

Наконец Уртанк выдохся. Он остановился, подгребая руками, и вздохнул.

– Сила – еще не все, – заметил констебль. – Иди сюда, сынок. Обещаю все кончить быстро. И без позора.

– Смирись, старик, и я похороню тебя с почестями на земле, а иначе эти рыбешки обглодают твои кости!

– Да, Уртанк, ты меня разочаровал. Ты – не мой сын.

Уртанк бросился на него с отчаянной, безнадежной злобой, а констебль точно рассчитал удар, попав юноше по локтю туда, где проходил нерв. Пальцы Уртанка рефлекторно разжались, и нож скользнул в глубину вод. Без раздумья он нырнул, а констебль навалился на него всем своим весом, не замечая ударов по груди, животу и ногам, которые с каждым разом становились все слабее. Все это длилось целую вечность, но наконец констебль его отпустил и тело Уртанка закачалось на мерцающих волнах реки лицом вниз.

– Ты был самым сильным из моих сыновей, – произнес констебль, немного отдышавшись. – В каком-то смысле ты был верным, вот только в голове у тебя не было ни одной мысли. Если бы ты меня убил и забрал моих жен, через год тебя самого бы убили.

Унтанк подогнал скиф и помог отцу выбраться. Белая лодка качалась на расстоянии дюжины весел от них, сияя в темноте мягким светом. Тощий торговец, которому констебль отрезал язык, лежал лицом в луже. Он захлебнулся в собственной крови. Его напарник исчез. Унтанк пожал плечами и сказал, что тот выскользнул за борт.

– Надо было его вернуть. Он же был связан. Нога к руке. Такой взрослый парень, как ты, мог легко с ним справиться.

Унтанк выдержал взгляд констебля и просто сказал:

– Я наблюдал за твоей победой, отец.

– Конечно. Ты сам еще не готов, ведь так? Ты выжидаешь нужный момент. Ты-то чувствуешь, не то что твой брат.

– Он не ушел далеко. Я имею в виду пленника.

– Ты его убил?

– Наверное, он уже утонул. Ты же сам сказал, он был связан рука к ноге.

– Помоги-ка мне с телом твоего брата.

Вдвоем отец и сын втянули Уртанка на лодку. Молочно-белое свечение понемногу гасло. Устроив тело Уртанка, констебль обернулся и увидел, что белая лодка исчезла. Скиф был один-одинешенек на широкой темной глади реки под черными небесами и алой спиралью Ока Хранителей. Под румпелем на кожаной подушке сидел младенец и хватал тьму беленькими растопыренными, будто морская звезда, пальчиками, улыбаясь своим непостижимым мыслям.

2

ОТШЕЛЬНИК

Ранним вечером, весной, когда громадное колесо Галактики до половины склонилось над горизонтом Великой Реки, Йама тихонько открыл ставни в своей комнате и скользнул на широкий карниз. Любой солдат во дворе, подняв голову, легко мог увидеть на карнизе под низко нависшей красной крышей юношу лет семнадцати и в голубоватом свете Галактики узнать в нем приемного сына эдила Эолиса, длинноватого, с бледным узким лицом и шапкой темных блестящих волос. Но Йаме было известно, что сержант Роден увел из замка большую часть гарнизона. Они патрулируют узкие кривые улочки Города Мертвых в поисках еретиков, которые прошлой ночью пытались взорвать корабль, стоящий на якоре в главной гавани. Кроме того, трое из людей эдила стерегли рабочих на раскопках, так что в замке остались лишь сторожевые псы и пяток совсем еще зеленых юнцов под командой старого одноногого Ротванга, который сейчас уже прикончил свою очередную бутылочку бренди и храпел в кресле у кухонного очага. Шансы, что кто-то из столь маленького гарнизона покинет тепло караулки и отправится патрулировать сад, совсем невелики, и Йама знал, что сумеет уговорить стороживших псов пропустить его незаметно.

Слишком хорошая возможность развлечься, чтобы ее Упустить. Йама собирался поохотиться на лягушек вместе с Дириив, дочерью мелкого торговца, и Анандой, учеником жреца в храме Эолиса. Они договорились об этом днем с помощью зеркальной связи.

Древние стены замка эдила были сложены из гладких скальных блоков, так ловко подогнанных, что казались ледяным зеркалом. Но позже, в какой-то момент истории этого здания было решено соорудить еще один этаж с широким водосточным карнизом и горгульями через равные промежутки, чтобы уберечь стены от потоков воды.

Йама легко, будто по тропе, прошел по карнизу, завернул за угол, закрепил веревку за изъеденную непогодой шею василиска, застывшего с разинутой в агонии пастью, и соскользнул по ней с высоты пяти этажей на землю. Веревку ему пришлось оставить, но риск был невелик.

Вокруг никого. Он бросился через широкий, заросший мохом газон, перепрыгнул забор, потом быстро и бесшумно двинулся по знакомой путанице тропинок сквозь чашу рододендронов, которые густо разрослись на развалинах крепостного вала внешней стены замка. Тысячи раз Йама играл в солдат и еретиков с мальчишками, прислуживающими на кухне, и знал здесь каждую тропку, каждую дверку в стене, каждую пещеру, когда-то бывшую караульной или складом, знал все подземные ходы между ними. Он остановился под огромным пробковым дубом, огляделся и поднял заросший мохом камень. Под ним оказалась выложенная галькой дверца, сверху запечатанная полимерной пленкой. Из этого тайника он извлек сетку и длинный тонкий трезубец, затем положил на место валун, прицепил сумку к поясу, а трезубец положил на плечо.

У самого края зарослей рододендронов начинался обрыв, полумесяцем спускающийся к заросшему брустверу, а дальше лежали бесплодные земли, покрытые редкой травой и кустарником. По обе стороны извилистой дорожки к Брису пестрели заплатами недавно залитые поля пеонина. А еще дальше поднимались пологие холмы, усеянные памятниками, могильными плитами, пирамидами, гробницами: лига за лигой Город Мертвых тянулся до самого подножия Краевых Гор. Гробницы поблескивали в голубом свете Галактики, будто чья-то гигантская рука сыпала холмы солью. То тут, то там вспыхивали крошечные огоньки: должно быть, пробегающее животное потревожило своим теплом фантомы на мемориальных досках.

Йама вынул тонкий серебряный свисток длиной в два мизинца и тихонько свистнул, звук был чуть громче легкого писка. Он свистнул еще три раза, потом воткнул трезубец в мягкую,

покрытую листвою землю, присел на корточки и стал вслушиваться в пронзительный лягушачий хор, разрывающий ночную тишь. Лягушки вылупились из своих слизистых коконов несколько недель назад. С тех пор они энергично нагуливали жир, а сейчас взялись за поиски супругов. Своими страстными ариями каждый из самцов стремился превзойти соперников. Одурманенные похотью, они будут легкой добычей.

Над рододендронами за спиной Йамы возвышался замок, его оружейные башни четко вырисовывались на фоне голубовато-белого колеса Галактики.

На сторожевой башне, в самом верху горел теплый желтый огонек: должно быть, эдил, который со времен известия о смерти Тельмона прошлым летом спал совсем мало, продолжал работать. Все занимался своими бесконечными измерениями и расчетами.

Наконец он услышал то, чего ожидал: ровный перестук лап и легкое, с присвистом дыхание сторожевого пса. Он негромко позвал; мощное уродливое создание вышло из зарослей и положило тяжелую голову ему на колени. Йама мягко забормотал, поглаживая его обрезанные уши и почесывая жесткий рубец там, где живая плоть срасталась с металлом черепной пластины. Машинная составляющая собаки успокаивалась, а через нее и вся стая. Когда Йама убедился, что пес усвоил: не следует поднимать тревогу ни сейчас, ни при его возвращении, он встал, вытер с рук слюну, вытащил из земли трезубец и направился вниз по пологому склону к пустынным развалинам и виднеющимся вдали залитым водою полям.

Ананда и Дири́в ожидали его на краю развалин. Дири́в, высокая и грациозная, спрыгнула с камня, на котором сидела высоко в руинах стены. По старинным заросшим плитам она летела ему навстречу, будто окутанная утренним сиянием, и бросилась в его объятия. Ананда остался сидеть на поваленной стеле и ел костянику, которую собрал по дороге сюда, на обнимающихся влюбленных он старался не смотреть. Ананда был полноватым мальчиком с гладкой смуглой кожей и голым шишковатым черепом, он постоянно носил оранжевую мантию своего храма.

– Я захватил фонарь, – наконец сказал Ананда и поднял его над головой. Это оказался маленький медный сигнальный фонарик с линзой, чтобы можно было сфокусировать луч. По идее, они собирались приманивать им добычу.

Дири́в и Йама разомкнули объятия, а Ананда сказал:

– Я видел сегодня днем ваших солдат, брат Йама.

Они шли строем по старой дороге. В городе говорят, что они ищут еретиков, которые хотели поджечь плавучую гавань.

– Если в округе на день пути есть еретики, сержант Роден их найдет, – сказал Йама.

– А может, они все еще прячутся где-то здесь, – предположила Дири́в.

Ее шея казалась еще длиннее, когда она оглядывалась по сторонам, всматриваясь в темноту развалин. Пушистые волосы были откинuty с выбритого лба и сбегали на спину. Рубаха с поясом открывала взору длинные стройные ноги. Через левое плечо у нее тоже висел трезубец. Она обняла Йаму и сказала:

– А вдруг мы их найдем? Вот будет приключение!

Йама заметил:

– Ну, если они настолько глупы, чтобы оставаться поблизости от места диверсии, справиться с ними будет нетрудно. Мы пригрозим им палками, и они сдадутся.

– Мой отец говорил, что они заставляют своих женщин ложиться с животными, чтобы они рожали чудовищных воинов.

Ананда выплюнул семечки и сказал:

– Ее отец обещал заплатить полновесное пенни за каждый десяток лягушек, которых мы поймает.

Улыбаясь, Йама заметил:

– Отец Дири́в на все знает цену.

Дири́в тоже улыбнулась – Йама это почувствовал щекой.

Она добавила:

– Еще он сказал, что я должна вернуться до захода Галактики. Он разрешил мне пойти только потому, что я сказала, что с нами пойдет один из солдат эдила.

Отец Дижив, высокий и очень худой, одевался обычно в черное. Он ходил втянув голову в плечи и сцепив руки за спиной. Сзади это напоминало черного журавля, из тех, что ночами копались на городских свалках. Его всегда сопровождал огромный телохранитель. Он опасался грабителей, пьяных матросов, а кроме того, боялся, что его похитят ради выкупа. Такая угроза была вполне реальной. Ведь в Эолисе из всей их расы жила лишь одна его семья. В тесном кругу торговцев его не очень-то жаловали, полагая, что он скорее купил свои привилегии, и Йама знал: он отпускает к нему Дижив лишь потому, что считает, будто это как-то приближает его к эдилу.

Ананда сказал:

– Солдату следовало охранять нечто более важное, чем твоя жизнь. Правда, как и жизнь, это можно отнять только один раз, а назад уж не вернешь. Но вдруг у тебя этого больше нет, потому и нет солдата.

Йама шепнул Дижив:

– Не всему верь, что говорит твой отец, – и сказал Ананде: – Ты слишком много размышляешь о плоти. Не следует углубляться в мысли о том, чего не суждено получить. Дай мне ягод.

Ананда протянул ему горсть.

– Только попроси, и пожалуйста, – мягко сказал он.

Йама давил ягоду языком о небо: грубая кожица сильно кислила, а полная семян мякоть сладко таяла во рту. Он усмехнулся и заметил:

– Весна. Мы могли бы гулять всю ночь, а на рассвете пойти на рыбалку.

Дижив сказала:

– Отец.

– Твой отец за рыбу заплатит больше, чем за лягушек.

– Он покупает у рыбаков столько рыбы, сколько сможет продать, и количество ее ограничено ценой соли.

Ананда продолжил ее мысль:

– Весной всегда охотятся на лягушек. Это традиция, потому мы и здесь. Отец Дижив не очень-то нас похвалит, если мы сделаем из нее рыбака.

– Если я не вернусь до полуночи, он меня запрет, – сказала Дижив, – и я вас больше не увижу.

Йама улыбнулся:

– Ты сама знаешь, что такого не будет. Иначе бы он тебя вообще не отпускал.

– Лучше бы с нами пошел солдат. У нас ни у кого нет оружия.

Дижив взмахнула трезубцем, воинственно и грациозно, как наяда.

– Я думаю, мы по силам равны.

– Мне тоже нельзя гулять всю ночь, – сказал Ананда, – отец Квин встает за час до восхода солнца, а до тех пор мне еще надо подмести наос и зажечь свечи в святилище.

– Все равно никто не придет, – сказал Йама. – Теперь никто не ходит, только по праздникам.

– Не в этом дело. Аватары, может, и сгинули, но Хранители-то все еще здесь.

– Они будут тут независимо от того, зажжешь ты свечи или нет. Останься со мной, Ананда. Хоть разок забудь свои обязанности.

Ананда покачал головой:

– Я, видишь ли, верю в свой долг.

Йама ответил:

– Ты просто боишься, что отец Квин тебя отлупит.

– Ну конечно. Это тоже. Для святого человека у него слишком вспыльчивый нрав и тяжелая рука. Тебе-то хорошо, Йама. Эдил – человек ученый, добрый человек.

– Если он на меня сердится, то у него есть сержант Роден, чтоб меня побить. А если он вдруг узнает, что я ушел из замка ночью, то именно так и будет. Потому-то я и не взял с собой никого из солдат.

– А мой отец говорит, что физические наказания – это варварство, – вмешалась Дириив.

– Ну, не так уж это тяжело, – сказал Йама, – по крайней мере всегда знаешь, когда оно кончается.

– Эдил посылал вчера за отцом Квином, – произнес Ананда. Он запихнул в рот остатки ягод и встал. Капли сока блестели у него на зубах, в голубоватом свете Галактики они казались черными. Йама сказал мрачным тоном:

– Отец думает, что со мной делать. Он несколько раз говорил, что хорошо бы подыскать для меня место клерка в каком-нибудь тихом отделе Департамента. Думаю, поэтому доктор Дисмас и отправился в Из. Но я не хочу быть клерком, уж лучше – проповедником. По крайней мере посмотрю мир.

– Ты уже слишком взрослый, – рассудительно заметил Ананда. – Мои родители посвятили меня, когда мне было сто дней от рождения. И дело не только в возрасте, ты слишком полон греха. Ты следишь за своим бедным отцом, воруеть.

– И убегаешь по ночам, – встала Дириив.

– Ананда тоже.

– Но не блудить, – сказал Ананда. – Отец Дириив знает, что я здесь. И я не хуже любого солдата гоюсь в сторожа, правда, меня легче подкупить.

Дириив сказала:

– Нет, Ананда. Мы на самом деле пришли охотиться на лягушек.

Ананда добавил:

– А кроме того, я завтра исповедаюсь в своем грехе перед алтарем.

– Как будто Хранителям есть дело до твоих мелких грехов, – сказал Йама.

– В тебе слишком много гордыни, чтоб стать священником, – ответил Ананда. – Прежде всего слишком много гордыни. Приходи и помолись вместе со мной. Облегчи душу.

Йама продолжал:

– Чем быть клерком, лучше стать священником, но больше всего я хочу быть солдатом. Я убегу и запишусь в армию. Выучусь на офицера и буду командовать ротой солдат. А может, сторожевым кораблем. Буду сражаться с еретиками.

– Вот потому-то твой отец и хочет сделать тебя клерком, – пробормотал Ананда.

Вдруг Дириив сказала:

– Тихо!

Мальчики дружно повернули головы и посмотрели, куда она показывает. По темному небу, далеко за полями, двигалась точка яркого бирюзового цвета. Она летела к Великой Реке.

– Машина, – объяснил Йама.

– Конечно, – отозвалась Дириив, – но я не это имела в виду. Мне слышалось, что кто-то кричал.

– Это лягушки спариваются, – сказал Ананда.

Йама решил, что машина находится в полумиле от них. Ее мигающий след как будто вышел дорожку между миром и ее собственной реальностью. Он предложил:

– Надо загадать желание. Ананда улыбнулся:

– Я этого не слышал, брат Йама. Подобные предрассудки недостойны такого образованного человека, как ты.

Дириив сказала:

– К тому же нельзя загадывать желание, потому что оно может сбыться. Как в той сказке про старика и лису. Я правда что-то слышала. Вдруг это еретики? Или бандиты. Тихо! Давайте послушаем.

Ананда заметил:

– Я ничего не слышу, Дири́в. Может быть, это бьется твое сердце, быстро-быстро, просто оно переполнено. Я прекрасно сознаю, Йама, – я всего лишь бедный монах, однако кое-что знаю точно. Хранители видят все, и нет никакой нужды вызывать к ним, обращаясь к их слугам.

Йама пожал плечами. Разумеется, бессмысленно спорить с Анандой о таких тонкостях. Его с самого рождения обучали теологии, но с другой стороны, разве не могут машины, пролетая мимо, подслушать наши желания? Ведь пожелать чего-то – это все равно что помолиться, только неофициально. А уж молитвы точно бывают услышаны. И даже иногда осуществляются. Если бы молитвы не вознаграждались, люди давным-давно бросили бы эту привычку, как фермеры, которые бросают земли, не приносящие больше урожая. Жрецы учат, что Хранители все слышат и все видят, просто они не хотят вмешиваться, чтобы не отнимать у своих созданий свободу воли. Но ведь машины – это такая же часть сотворенного Хранителями мира, как, к примеру, Чистокровные Расы. Даже если Хранители и правда отняли у мира свое благословение, после всех эксцессов Мятēja, как утверждают сектанты, все равно машины, их наследие, могут признать справедливость какого-то конкретного желания и вмешаться. В конце концов, аватары Хранителей, те, кто сумел пережить Эпоху Мятēja, говорили с людьми еще совсем недавно – не более сорока лет назад, а потом еретики заставили их умолкнуть.

В любом случае лучше попробовать, чем упустить шанс, а потом об этом жалеть. Йама закрыл глаза и, будто стрелой, отправил ввысь свое желание – вызов назначенному будущему: пусть он станет солдатом, а не клерком.

Ананда сказал:

– Желания можно загадывать и когда падает звезда.

Дири́в вмешалась:

– Тише, я опять что-то слышу.

Тут Йама и сам услышал, смутно и не особенно отчетливо, но все же не спутаешь с непрерывным лягушачьим концертом: подвывающий мужской голос – слов не разобрать, а затем другие, глумливые голоса, потом грубый хохот.

Йама повел остальных через поросшие кустарником руины. Ананда трусил следом, подоткнув свою рясу за пояс, как сам он объяснил, чтоб легче убегать, если что. Однако Йама знал: убегать он не станет. Дири́в тоже не побежит: она держала свой трезубец воинственно, как копье.

Одна из старинных дорог шла как раз вдоль полей. С нее давно содрали керамическое покрытие и металлические пластины, сотни тысяч лет назад облицовывавшие ее поверхность, тем не менее ее прямая, убегающая вдаль линия, с геодезической точки зрения, все еще была близка к идеалу. На перекрестке старой дороги и тропинки, бегущей через дамбу между двух залитых водой полей, у простого алтаря, установленного на деревянном столбе, два сына констебля – близнецы Луд и Лоб – обступили отшельника.

Тот стоял, прижавшись спиной к алтарю и размахивая посохом. Его металлический наколеник мелькал туда-сюда, сверкая, как грозное око. Луд и Лоб вопили, швыряли в отшельника камнями и комьями грязи, но приблизиться не решались, держась подальше от острого посоха. Близнецы были известными задирами, заносчивыми и хвастливыми. Они считали себя предводителями всей городской детворы. Особенно они любили цепляться к подросткам не своей расы. Дней десять назад они погнались за Йамой, когда он возвращался в замок после свидания с Дири́в, но тогда он легко скрылся от них, заставив поплутать в развалинах на окраине города.

– Мы еще доберемся до тебя, малек, – жизнерадостно проорали в пространство близнецы. Видимо, они изрядно выпили, один из них стукнул об голову пустым пузырем и пустился в дурашливый танец.

– Мы всегда доводим дело до конца, – закричал он.

– Эй, малек! Выходи! Будь мужчиной!

Однако Йама предпочел остаться в своем укрытии. Луд и Лоб нацарапали свои имена на крошащейся стене, помочились, потом еще немного поболтались вокруг, не зная, чем заняться, заскучали и убрались прочь.

И сейчас, пробираясь с Анандой и Дири́в сквозь заросли дикого винограда, Йама размышлял, как ему поступить. Отшельник был человеком рослым, с дикой гривой спутанных волос и еще более дикой бородой. Он был бос. Его хламида, прошитая грубыми стежками, отсвечивала металлическим блеском. Большую часть летящих в него камней ему удалось отразить, но один все же попал в голову: по лбу бежала струйка крови – и он то и дело отирал кровь рукой, чтобы не заливала глаза. Рано или поздно он совершит ошибку, и тогда Луд и Лоб на него набросятся.

Ди́рив прошептала:

– Надо вызвать милицию.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – ответил Ананда.

В это мгновение в локоть отшельника ударил камень, и острие его посоха нырнуло вниз. Лоб и Луд с победными воплями кинулись на него и повалили на землю. Отшельник рванулся, отбросив одного из близнецов, но второй повис у него на спине и вновь повалил.

Йама сказал:

– Ананда, выскочишь, когда я назову твое имя, а ты, Ди́рив, как-нибудь их отвлеки. – И, отбросив все колебания, он вышел на дорогу, выкрикивая имена близнецов.

Лоб обернулся. В обеих руках он держал посох, будто собирался его переломить. Луд сидел у отшельника на спине и с ухмылкой отражал его неловкие попытки ударить победителя в бок.

– В чем дело, Лоб? Вы с братцем сделались грабителями с большой дороги?

– Просто решили развлечься, малек, – сказал Лоб и стал крутить посохом над головой так, что тот засвистел во тьме.

– Видишь ли, мы его увидели раньше, чем тебя, – добавил Луд.

– Думаю, вам нужно оставить его в покое.

– Может, мы и правда лучше займемся тобой, малек.

– Непременно займемся, – сказал Луд, – мы для этого сюда и явились. – Он пихнул отшельника кулаком. – Эта пададь просто попалась нам по дороге. Он не дал нам сделать, что мы собирались, не забыл? Хватай его, брат. А потом закончим с этим.

– Вам придется иметь дело со мной и с Анандой тоже, – громко сказал Йама. Он не оглянувшись, но по движению глаз Лоба понял, что Ананда вышел на дорогу и стоял у него за спиной.

– А вот и поп-коротышка, – веселился Лоб.

– Га-га-га! – закатился его брат, да так сильно, что затряслись все три подростка.

– Ну и вонь!

– Благословите меня, ваше святейшество, – сказал Лоб, насмешливо глядя на Ананду.

– Мы еще посмотрим, – с отвращением произнес Йама.

– Побудь пока здесь, малек, – сказал Лоб. – Мы займемся тобой, когда закончим с этим.

– Дебил! – закричал Луд. – Сначала разберемся с ним! Ты что, забыл?

Тогда Йама метнул свой трезубец, но несильно, и он легко отскочил от толстой шкуры Лоба. Лоб демонстративно зевнул, показав свои огромные острые клыки, и посох просвистел над головой Йамы. Йама пригнулся и отпрыгнул, уклоняясь от второго удара. Металлический

наконечник рассек воздух всего в дюйме от его живота. Лоб неуклюже шагнул вперед, размахивая посохом туда-сюда, но Йама легко уклонялся от его неточных ударов.

– Надо драться честно, – пробурчал Лоб, наконец остановившись и тяжело дыша. – Давай выходи! Будем драться честно.

Ананда теперь был у Лоба за спиной, трезубцем он ударил его по ногам. Лоб свирепо обернулся и ткнул посохом в сторону Ананды, но тут Йама прыгнул и двинул его по коленной чашечке, а затем ударил по кисти. Лоб взвыл и потерял равновесие. Посох упал, Йама ловко его подхватил, повернул и сильно ударил Лоба в живот. Тот упал на колени.

– Надо драться честно, – согнувшись и хватая воздух ртом, выдавил он. Его крохотные глазки яростно сверкали на пухлом лице.

– Давай честно, – эхом отозвался Луд.

Он вскочил наконец со спины отшельника и выхватил из-за пояса нож, черный, как обсидиан, с узким кривым лезвием. Луд стащил его у пьяного матроса и теперь говорил всем, что нож сделан чуть ли не в первые дни Эпохи Озарения и древен, как мир.

– Драться честно, – повторил Луд, держа нож у лица и ухмыляясь.

Тут на Йаму бросился Лоб и обхватил его за пояс. Йама пытался отбиваться посохом, но противник был слишком близко, и ему никак не удавалось размахнуться, он оступился – ноги подогнулись под весом Лоба...

На секунду показалось, что все потеряно. Но на помощь пришел Ананда: схватив камень, он ударил Лоба по скуле. Раздался звук как от топора, когда рубят поленья. Лоб заохал от боли и вскочил на ноги. Тут закричал и Луд, размахивая во все стороны ножом, – дерево за его спиной вдруг вспыхнуло огнем.

– Больше я ничего не смогла придумать, – объясняла Дири́в. Она обхватила плечи своими тонкими руками и все еще дрожала от волнения. Ананда немного пробежал по дороге, преследуя убегающих близнецов, и громко улюлюкал им вслед.

Йама сказал:

– Здорово получилось, но не стоит над ними смеяться.

Искры от горящего дерева улетали высоко в темное небо, сверкая ярче, чем сама Галактика. Ствол выглядел сейчас как тень внутри ревущего столба голубого пламени. Это было молодое камедное дерево. Когда Лоб упал на Йаму, Дири́в плеснула керосину из фонаря на ствол и подожгла его от фитиля.

Смеясь, она сказала:

– Даже Лоб и Луд этого не забудут. – Вот то-то и оно, – отозвался Йама.

– Им будет стыдно, они не посмеют напасть снова. Испугаться дерева! Вот смеху-то! Теперь они от нас отстанут.

Ананда помог отшельнику сесть. Тот потрогал разбитый нос, осторожно согнул и разогнул колени и с трудом встал на ноги. Йама протянул ему посох, отшельник его взял и в знак благодарности чуть склонил голову.

Йама ответил поклоном, и отшельник усмехнулся. Левая сторона его лица казалась смазанной: серебристый шрам, расползаясь, оттягивал книзу глаз и приподнимал уголок рта. Сам он был настолько грязен, что кожа на лице казалась рифленой. Металлизированная ткань его хитона тоже была засалена, но складки и вмятины временами ловили сполохи света и ярко поблескивали. Спутанные волосы висели веревками, а в раздвоенной бороде запутались травинки и веточки. От него невыносимо воняло потом и мочой. Он в упор посмотрел на Йаму, а затем пальцами правой руки стал чертить на левой ладони какие-то фигуры.

Ананда сказал:

– Он хочет, чтобы ты понял: он тебя давно ждет.

– Ты его понимаешь?

– Мы пользовались языком жестов в семинарии. Обычно за завтраком или ужином, когда хотели поболтать, а подразумевалось, что мы слушаем, как кто-то из братьев читает Пураны. Некоторые отшельники когда-то были жрецами. Наверное, и этот тоже.

Отшельник отрицательно замотал головой и снова стал что-то показывать пальцами.

Ананда неуверенно произнес:

– Говорит, что рад и все запомнит. Видимо, имеет в виду, что никогда этого не забудет.

– Ну разумеется, – вмешалась Дири́в, – ведь мы спасли ему жизнь.

Отшельник полез куда-то внутрь своего хитона и вытащил керамический диск, висящий на ремешке у него на шее. Сняв ремешок через голову, отшельник бросил его Йа́ме и опять начал что-то объяснять на пальцах.

– Ты – тот, кто должен прийти, – переводил Ананда. Отшельник затряс головой, тяжело вздохнул и вновь стукнул пальцами о ладонь.

– Ты еще вернешься сюда. Йа́ма, ты хоть понимаешь, о чем он говорит?

Но Дири́в шикнула на них:

– Тихо! Слышите?

Где-то далеко во тьме раздавались свистящие звуки, будто к кому-то взывавшие и откликавшиеся на зов.

Отшельник вложил керамический диск в руки Йа́ме, впился взглядом в его глаза и кинулся прочь. Он бежал по узенькой тропе между залитыми полями – тень, мелькающая в холодном голубоватом свете, отраженном водой. И исчез...

Снова раздался свист.

– Милиция, – сказал Ананда и, развернувшись, помчался по старой дороге.

Дири́в и Йа́ма погнались за ним, но он скоро их обогнал, а Йа́ма запыхался и остановился передохнуть, потом они отправились дальше и добрались до городской стены.

Дири́в сказала:

– Ананда будет бежать и бежать, пока не нырнет в свою постель. И все равно будет бежать во сне до самого утра.

Йа́ма нагнулся, растирая колени: ему свело ногу. Он пробормотал:

– Нам надо присматривать друг за другом. Луд и Лоб нам этого не забудут. Как только у тебя сил хватает так быстро бежать на такое огромное расстояние?

Бледное лицо Дири́в мягко светилось в свете Галактики. Она бросила на него хитрый взгляд.

– Летать трудней, чем бежать.

– Хотел бы я посмотреть, как ты летаешь, если, конечно, это правда. Но ты опять меня дразнишь!

– Это не то место, где можно летать. Может, когда-нибудь я покажу тебе подходящее место, но это далеко отсюда.

– Ты имеешь в виду край света? Когда-то я думал, что люди моей расы жили на плавающем острове. В прошлом году я видел такой.

Вдруг Дири́в схватила его за руку и потащила к высокой траве за дорогой. Йа́ма засмеялся и упал прямо на нее, но девушка прикрыла ему рот ладонью.

– Слышишь? – спросила она.

Йа́ма приподнял голову, но услышал лишь обычные ночные звуки. Всем телом он ощущал идущее от Дири́в тепло. Она крепко к нему прижималась. Он сказал:

– Думаю, что милиция уже бросила их искать.

– Нет, они идут в нашу сторону.

Йа́ма перекатился на другой бок, подполз и раздвинул высокие стебли сухой травы так, что стало видно дорогу. Вскоре мимо них прошли пятеро солдат. Никто из них не принадлежал к расам, населявшим Эолис. В руках у них были ружья и арбалеты.

– Матросы, – сказал Йама, убедившись, что они прошли и его никто не услышит. Дири́в всем телом прижалась к Йаме.

– Почему ты так думаешь?

– Это все чужаки. А чужаки приплывают в Эолис по реке: как матросы или как пассажиры. Но с тех пор как началась война, пассажирские корабли не ходят.

– Кто бы они ни были, они ушли.

– Возможно, они ищут того отшельника.

– Этот блаженный не в своем уме, но мы правильно сделали. Вернее, ты. Я бы не смогла выйти так смело против этой парочки.

– Ну, я ведь знал, что за моей спиной ты. Поэтому и смог.

– Я бы там осталась навсегда, – задумчиво произнесла Дири́в, – он похож на тебя.

Йама рассмеялся.

– Пропорции конечностей, форма головы у него такие же. И глаза у него делятся надвое складками кожи, совсем как у тебя.

Дири́в поцеловала глаза Йамы. Он ответил поцелуем. Они лежали и целовались, долго-долго, потом Дири́в отстранилась.

– Ты не один на этом свете, Йама, что бы ты ни думал на этот счет. Чему ж тут удивляться, если тебе попался человек твоей собственной расы?

Но сам Йама искал уже так давно, что ему с трудом верилось, что это вообще может случиться.

– Думаю, он просто сумасшедший. Интересно, зачем он мне это дал?

Йама вытащил из кармана своей туники керамический диск. Казалось, он ничем не отличается от тех дисков, которые люди эдила сотнями находят на раскопках: гладкий, белый, размером чуть больше ладони. Он поднял диск так, что в нем слабо отразился галактический свет, и тут увидел, что вдали, в покосившейся башне за полуразрушенной городской стеной, горит огонек.

Доктор Дисмас вернулся из Иза.

3

ДОКТОР ДИСМАС

У подножия сухого каменистого склона показалась согбенная, облаченная в черное фигура доктора Дисмаса. Он шел отдуваясь и криво ставя больные ноги. Солнце достигло вершины своего ежедневного броска в небо, и доктор, как голограмма, не отбрасывал тени.

Сам эдил стоял на вершине холма, образованного породой, добытой из последнего раскопа, и с растущим волнением следил взглядом за приближением аптекаря.

Эдил был высок ростом, сутул, голова начинала седеть, а на лице постоянно присутствовало выражение изысканной сдержанности, свойственной дипломатам, которую обычно принимают за рассеянность. По моде граждан Эолиса он носил свободную белую тунику и льняной килт. Колени его распухли и огрубели от многочасовых бдений, когда он, опираясь коленями на кожаную подстилку, кисточкой снимал тончайшие слои с керамических дисков, освобождая из захоронения, длившегося сотни тысяч лет.

Раскопки двигались медленно, еще и половина не сделана, а эдилу уже начало надоедать. Несмотря на заверения геоманта, он был уверен: ничего интересного здесь не найдут. Бригада обученных рабочих – не пригодных к службе в армии заключенных, – казалось, заразилась настроением хозяина и не спеша копошилась среди аккуратных канавок и ям, вырытых на раскопе. Звенья цепями и волоча их за собой по сухой белой пыли, они таскали бадьи с грунтом и известняковым щебнем к коническому холму пустой породы. Небольшая буровая вышка, сверлящая риф сухопутного коралла, поднимала столбы белой пыли, облаком уносящиеся в голубое небо.

До сей поры результатом раскопок были лишь несколько черепков посуды и изъеденное ржавчиной нечто, по всей вероятности, некогда служившее основанием сторожевой башни, ну и, разумеется, масса неизбежных керамических дисков. И хотя эдил понятия не имел, для чего они нужны (большинство специалистов по ранней истории Слияния сходились во мнении, что диски эти в свое время служили некой формой валюты, но эдил отвергал это объяснение как слишком очевидное), он старательно заносил в каталог каждый из них, а затем часами изучал, замеряя едва заметные канавки и вмятины, которыми были украшены диски. Эдил верил в измерения. Мелкие вещи – отражения большого мира, в котором они пребывают, а также иных бесконечных миров. Он верил, что все величины и константы можно вывести арифметическим способом из единого числа, числа Хранителей, которое может раскрыть все тайны созданного ими мира и многое-многое другое.

Но сейчас следует заняться доктором Дисмасом. Он должен принести новости, которые определяют дальнейшую судьбу приемного сына эдила. Баркас, на котором Дисмас вернулся из Иза, бросил якорь в устье бухты уже два дня назад (он и сейчас еще там стоит), и вчера ночью шлюпка доставила на берег самого доктора, тем не менее эдил предпочел провести день на раскопках, а не сидеть в замке, дожидаясь визита доктора. Новости, какими бы они ни были, лучше узнать раньше Йамы.

Эдил надеялся, что доктору удастся выяснить правду о том, к какой расе принадлежит его приемный сын, однако в глубине души он не доверял этому человеку, и его беспокоила мысль, что тот может использовать полученную информацию в собственных целях. Доктор Дисмас сам предложил воспользоваться своей поездкой в Из и предпринять поиски сведений о возможных родственных связях Йамы. То, что поездка совершалась по распоряжению его Департамента, а оплачивалась целиком и полностью из кошелька эдила, ни на йоту не уменьшала той доли признательности, которую эдил, по мнению доктора, обязан был ему выразить.

Доктор Дисмас скрылся за белым кубическим строением со срезанной верхушкой – одним из пустых склепов, во множестве разбросанных у подножия холма, будто бусинки рассыпавшегося ожерелья – захоронение эпохи безвременья, наступившей вслед за Мятежом. В городе мертвых их построили последними – простые коробки, установленные у самого края невысоких, набегающих друг на друга, как волны, холмов, сплошь усеянных памятниками, саркофагами и статуями древнего некрополя. Наконец доктор Дисмас вновь появился, на сей раз у самых ног эдила, с трудом одолевая последнюю сотню шагов по крутой каменистой тропе. Он тяжело дышал. Лицо его, худое и костлявое, утопало в складках высокого воротника, а широкие поля черной шляпы не спасали от жары, и на коже обильно выступили капельки пота, среди которых, как острова в отступающих волнах прилива, торчали бляшки – следствие порочной страсти к наркотикам.

– Сегодня тепло, – произнес эдил вместо приветствия.

Доктор Дисмас вынул из рукава кружевной платок и осторожными движениями начал стирать пот с лица.

– Настоящая жара. Возможно, Слияние, устав кружиться вокруг солнца, теперь падает на него, как юная певица в объятия любовника. Возможно, огонь этой страсти нас поглотит.

Обычно риторические забавы доктора развлекали эдила, но сегодня эта игра слов лишь обострила его чувство настороженности. Он мягко сказал:

– Полагаю, ваша миссия имела успех, доктор. Взмахнув платком, как фокусник, доктор Дисмас будто отмахнулся от вопроса.

– Ерунда все это. Рутинные процедуры, замешанные на амбициях. В моем Департаменте обожают помпезность. В конце концов, он ведь один из самых древних. Так что я вернулся. Вернулся служить, мой дорогой эдил, так сказать, с обновленными силами.

– Я никогда и не думал, что вы покинете свое поле деятельности, мой дорогой доктор.

– Вы слишком добры. И куда более щедры, чем ничтожные склочники, гнездящиеся в пыльных недрах моего Департамента, которые только и знают, что раздувать слухи и преподносить их как факты.

Доктор Дисмас отвернулся и стал взглядом победителя всматриваться вдаль, озирая склоны холмов, усеянные заброшенными могилами, лоскутное одеяло затопленных полей вдоль берегов Бриса, в устье его глаза доктора пробежали по крошеву развалин и сгрудившейся толчее крыш Эолиса, вдоль нового причала, перстом торчащего среди зеленых полей в сторону Великой Реки, чья неизмеримая ширь сверкала, как море расплавленного серебра, и дальше, в туманное единение воздуха и воды. Тут доктор вставил сигарету в мундштук (изготовленный, как он любил говорить, из мизинца серийного убийцы – доктор поклонялся культу ужасного), зажег ее, глубоко затянулся, задержав дыхание так, что можно было досчитать до десяти, а затем пустил клубящийся дым из ноздрей и удовлетворенно вздохнул.

Доктор Дисмас был аптекарем Эолиса, год назад его нанял тот же комитет, который ведал в городе милицией. В Из его вызывали по поводу нескольких неприятных инцидентов, имевших место во время его пребывания на этом посту. Говорили, что он заменил дорогостоящую суспензию из машин, способную излечивать речную слепоту, толченым стеклом – и действительно, прошлым летом было зарегистрировано существенно больше случаев речной слепоты, чем прежде, хотя сам эдил объяснял это просто возросшим количеством ядовитых мух, плодившихся в гуще морских водорослей, которыми сплошь заросли болотистые берега бывшей гавани. Более серьезным обвинением было то, что, по слухам, доктор Дисмас тайком продавал свои снадобья среди рыбаков и горных племен, утверждая, что может лечить разные формы рака, чахотку, сумасшествие, а также обратить вспять процесс старения. Кроме того, люди шептались, что он создает или выращивает химеры младенцев и животных, что он похитил в каком-то горном племени ребенка, а затем его кровью, вытянутой из внутренних органов, лечил одного из членов Совета Ночи и Алтаря.

Все эти разговоры Эдил считал пустыми фантазиями, но вскоре произошел случай, когда при кровопускании умер мальчик, и его родители, торговцы средней руки, потребовали официального расследования. Эдил был вынужден подписать прошение. Сто дней назад в город прибыл эмиссар из Департамента Аптекарей и Хирургов, однако пробыл недолго и удалился в некотором смущении. Вроде бы доктор Дисмас угрожал убить ревизора, когда тот попытался его допросить. Затем из Иза поступил формальный вызов, который Эдилу пришлось зачитать доктору на заседании Совета Ночи и Алтаря. Доктору Дисмасу было приказано отправиться в Из для официального следствия по поводу его склонности к наркотикам, а также из-за некоторых, как деликатно выражался сам доктор, профессиональных казусов. Эдилу сообщили, что доктора Дисмаса подвергли допросу с пристрастием, но судя по его теперешней манере держаться, он скорее одержал ощутимую победу, а вовсе не подвергся какому-либо осуждению.

Аптекарь еще раз глубоко затянулся своей сигаретой и сказал:

– Путешествие по реке само по себе оказалось немалым испытанием. Я так ослабел, что вынужден был еще целые сутки оставаться в постели уже после того, как баркас бросил якорь в здешних водах, и лишь тогда сумел собраться с силами, чтобы добраться до берега. Я и сейчас еще не до конца пришел в себя.

– Ну разумеется, разумеется, – пробормотал Эдил, – уверен, что вы явились сюда сразу же, как только смогли.

Но он ни на минуту в это не поверил. Аптекарь явно что-то задумал.

– Вы опять сами работали вместе с этими бедолагами заключенными. Не отрицайте, я вижу: у вас под ногтями грязь. Нельзя в вашем возрасте столько времени стоять на коленях под палящим солнцем.

– Я прикрывал голову шляпой, а кожу намазал той мазью, что вы прописали.

Липкая смесь невыносимо воняла ментолом, а волоски на коже становились от нее жесткими, как щетина. Но Эдил был благодарен аптекарю и не жаловался.

– Кроме того, вам следует надевать очки с затемненными стеклами. Кумулятивный эффект ультрафиолета может повредить роговицы, и в вашем возрасте это уже серьезно. Ну вот, так и есть: глаза у вас воспалились. День за днем вы спускаетесь все глубже в прошлое. Боюсь, что когда-нибудь вы совсем нас покинете. А как мальчик? Наверняка о нем-то вы заботитесь лучше, чем о себе самом.

– Не думаю, что мне удастся узнать здесь что-либо действительно важное. Тут находится фундамент башни. Само строение было разрушено давным-давно. Это, по-видимому, была очень высокая башня: фундамент уходит глубоко вниз. Правда, он весь проржавел. Полагаю, что она могла быть построена из металла, хотя, разумеется, это стоило фантастических денег даже в Эпоху Слияния. Но вполне возможно, что геомант ошибается, остатки фундамента могли ввести его в заблуждение относительно большого сооружения, которое якобы когда-то здесь стояло. Такое случалось и прежде. А может быть, что-то захоронено еще глубже. Посмотрим.

Геомант принадлежал к одному из горных племен, по возрасту он был вдвое моложе эдила, но беспорядочная кочевая жизнь превратила его в сморщенного беззубого старика – и вдобавок полуслеплого, правда, катаракту доктор Дисмас ему недавно прооперировал. Все это случилось зимой, когда по утрам землю сковывал лед. Но геомант пришел босым и почти голым: под красным плащом у него ничего не было. Он постился три дня на вершине холма и лишь потом указал место, определив его при помощи нити с серебряным отвесом.

Доктор Дисмас спросил:

– Говорят, что в Изе есть здания, которые когда-то были полностью облицованы металлом?

– Ну разумеется, разумеется. Если они где-то и есть во всем Слиянии, то скорее всего именно в Изе.

– Говорят-то говорят. Но никто даже не знает, где искать.

– Ну, если кто-нибудь и знает, то это, конечно, вы, мой дорогой Дисмас.

– Мне хочется думать, что для вас я сделал все, что только мог. – И для мальчика. Самое главное – для мальчика. Доктор Дисмас бросил на эдила пронизательный взгляд.

– Само собой. Об этом и говорить нечего. Все дело в нем, – продолжал эдил, – я все время думаю о его будущем.

Большим и средним пальцами левой руки, скрюченными, как клешня рака, доктор Дисмас выковырнул окурок из костяного мундштука. Наркотики давно обезобразили левую руку, хотя бляшки еще позволяли суставам сгибаться, но чувствительность в пальцах пропала совсем.

Эдил терпеливо ждал, пока доктор Дисмас завершит свой ритуал прикуривания следующей сигареты. Во всех его манерах было нечто, напоминающее эдилу хитрое и осторожное ночное животное, вечно прячущееся, но всегда готовое кинуться на подвернувшийся лакомый кусок. Он любил сплетни, и как все сплетники знал, как подать свой рассказ должным образом, как сохранить напряжение, постоянно рассказывая подробности, как подразнить свою аудиторию. Но эдил понимал и другое: как все сплетники, доктор Дисмас не сможет хранить свой секрет слишком долго, так что теперь он терпеливо ждал, пока доктор вставит сигарету в мундштук, прикурит, затаится. Эдил и по натуре был человеком терпеливым, а годы обучения искусству дипломатии приучили его легко сносить долгое ожидание по чужой воле.

Доктор Дисмас выпустил клубы дыма через ноздри и наконец произнес:

– Видите ли, это оказалось совсем несложно.

– Неужели? Я не надеялся, что так получится. В наши дни библиотеки пришли в упадок. С тех пор как умолкли библиотекари, ощущается настроение, что нет никакой нужды поддерживать какой-то порядок, разве что в самых последних архивах, а все, что старше тысячи лет, считается недостойным доверия.

Эдил осознал, что сказал лишнее. Сейчас, на пороге некоего откровения он явно чувствовал нервозность. Доктор Дисмас энергично закивал головой, соглашаясь:

– А нынешняя политическая ситуация еще только добавляет неразберихи. Весьма при-
скорбно.

– Ну разумеется, разумеется. Но ведь идет война.

– Я имел в виду неразбериху в самом Дворце Человеческой Памяти. Надо сказать, что изрядная доля вины за это лежит, мой дорогой эдил, на вашем собственном Департаменте. Все эти трудности заставляют предположить, что мы пытаемся забыть свое прошлое. Как нам и следует, по утверждению Комитета Общественной Безопасности.

Это замечание больно уязвило эдила, что, без сомнения, входило в намерения доктора Дисмаса. Эдила сослали в этот маленький городок – заштатную заводь – после триумфальной победы Комитета Общественной Безопасности, так как он выступал против уничтожения архивов ушедших веков. В сердце своем он постоянно ощущал стыд за то, что лишь выступал с речами, а не боролся по-настоящему, подобно многим из своих соратников. А теперь жена его умерла. Сын тоже. Эдил остался один, и все еще в ссылке из-за давно забытой политической коллизии.

С заметной сухостью эдил проговорил:

– Прошлое не так-то легко уходит, мой дорогой доктор. Стоит только ночью поднять глаза и взглянуть на небо, и нам об этом напомнят. Зимой мы видим Галактику, вылепленную из хаоса невообразимыми силами, летом видим Око Хранителей. Здесь, в Эолисе, прошлое важнее настоящего. Сами взгляните, насколько склепы величественнее глинобитных домишек на побережье бухты. Хотя с гробниц и содраны все украшения, все равно они выглядят монументально и простоят века. Все, кто жил в Изе во времена Золотого Века, в конце концов находили вечный покой здесь. Здесь есть что исследовать.

Доктор Дисмас пропустил это мимо ушей. Он сказал:

– Несмотря на все эти трудности, библиотека моего Департамента все еще пребывает в полном порядке. Некоторые секции архива работают абсолютно четко в ручном режиме, а они относятся к самым древним в Слиянии. Если бы записи о родовых связях мальчика можно было отыскать, то только там. Однако, невзирая на то что я проводил долгие и кропотливые изыскания, никаких следов расы, к которой принадлежит мальчик, обнаружено не было. Эдилу показалось, что он ослышался.

– Как это? Вообще ничего?

– Весьма сожалею, я сам желал бы, чтобы было иначе. Вполне искренне.

– Все это... я хочу сказать, это очень неожиданно. Абсолютно неожиданно.

– Я и сам был крайне удивлен. Как я уже говорил, архивы нашего Департамента являются самыми полными во всем Слиянии. Практически они являются единственными, реально функционирующими в полном объеме с тех самых пор, когда ваш Департамент провел чистку среди архивариусов Дворца Человеческой Памяти.

Эдил с трудом понимал, о чем он говорит. Слабым голосом он спросил:

– Разве не было никакой переписки?

– Абсолютно ничего. Все чистокровные расы имеют общий геном, заданный Хранителями во времена, когда они преобразовывали наших предков. Не имеет значения ни кто мы, ни каким образом записана наследственная информация клетки, смысл этого генного кода остается неизменным. Но хотя исследования самосознания мальчика и склада его ума показали, что он не является туземцем, в нем, как и в них, отсутствует этот знак принадлежности к Чистокровным Расам – избранным детям Хранителей. Более того, ген мальчика не имеет аналогов ни с чем в Слиянии.

– Но, доктор, если не принимать этот знак Хранителей, мы все очень различны. Мы все преобразованы по образу и подобию Хранителей, но каждая раса по-своему.

– Несомненно. Но каждая раса имеет генетическую общность с определенными животными, растениями и микробами Слияния. Даже различные расы примитивных туземцев, которые не были отмечены Хранителями и не могут эволюционировать к трансцендентальности, имеют генетических родственников во флоре и фауне. Предки десяти тысяч рас Слияния не были доставлены сюда в одиночестве, Хранители прихватили что-нибудь из родного мира каждой из них. Выясняется, что молодой Йамамана является найденышем в более широком смысле этого слова, чем мы сами ранее полагали, так как не существует ни записи, ни рода, ни растения, ни животного, ни даже микроба, которые имели бы с ним что-то общее.

Доктор Дисмас был единственным, кто называл мальчика полным именем. Его нарекли так жены старого констебля Тау. На их языке, языке гарема, это означало «дитя реки». Когда констебль Тау нашел на реке младенца, Комитет Ночи и Алтаря собрался на тайное совещание. Было решено, что ребенок должен быть умерщвлен, будучи оставлен без помощи и присмотра, ибо он мог оказаться созданием еретиков или каких-нибудь других демонов. Но ребенок выжил, пролежав десять дней среди могильных плит на склоне холма близ Эолиса. Женщины, которые его в конце концов спасли вопреки воле своих мужей, утверждали, что пчелы носили ребенку пыльцу и воду, а значит, он находится под покровительством Хранителей. Несмотря на это, ни одна из семей Эолиса не пожелала принять мальчика, и таким образом он оказался в замке, став сыном эдилу и братом бедному Тельмону.

Эдил размышлял обо всем этом, пытаясь понять, какие последствия будет иметь открытие доктора Дисмаса. В сухой траве стрекотали насекомые. Травы и насекомые, пришедшие, возможно, из того давно утраченного мира, что и те животные, из которых Хранители создали предков его собственной расы. Мысль о том, что ты являешься частью изысканно-сложного рисунка природы, приносила покой, возникало ощущение единства и непрерывности жизни.

Представить себе невозможно, каково это – жить в абсолютном одиночестве, ничего не ведая о собственной расе и не имея надежды когда-нибудь найти родных.

Впервые за этот день Эдил вспомнил жену, умершую больше двадцати лет назад. Тогда тоже стояла жара, но руки ее были холодны как лед. На глаза его набежали слезы, но он с ними справился. Не следует выказывать чувства перед доктором, который питался чужой слабостью, как волк, преследующий стадо антилоп.

– Совсем один, – повторил Эдил, – неужели это возможно?

– Будь он растением или животным, тогда конечно.

Доктор Дисмас вытащил остаток второй сигареты, бросил окурок на землю и придавил его башмаком. Эдил заметил, что высокие опойковые ботинки доктора были совсем новыми, их кожа ручной выделки казалась мягкой, как пух.

– Можно предположить, что он пришелец, – сказал доктор Дисмас. – Несколько кораблей все еще курсируют по своим старым маршрутам между Слиянием и мирами их предков. Вполне можно представить, что на одном из них была контрабанда, так сказать, безбилетный пассажир. Может быть, мальчик – просто животное, которое умеет имитировать признаки мыслительной деятельности таким же образом, как некоторые насекомые притворяются листиком или веткой. Но тут, по всей видимости, встанет вопрос: а в чем же отличие реальности и имитации?

Подобная идея вызвала у Эдила волну негодования. Мысль о том, что его единственный, драгоценный приемный сын может быть животным, подражающим человеческому существу, была невыносима. Он воскликнул:

– Любой, кто попыбует сорвать такой лист, разберется.

– Именно так. Любое подражание отличается от того, чему оно подражает, тем, что оно – *подражание*, отличается способностью изменяться, стать чем-то иным, чем оно не является. Мне не известно ни об одном случае мимикрии, когда подражание настолько совершенно, что оно буквально превращается в тот предмет, которому подражает. Существуют насекомые, весьма похожие на листья, однако они не способны питаться одним только солнечным светом, как настоящие листья. Они прильнули к растению, не являются его частью.

– Ну разумеется, разумеется. Но если мальчик не является частью нашего мира, откуда же он взялся? Старые миры необитаемы.

– Откуда бы он ни взялся, я полагаю, он представляет опасность. Вспомните, как его нашли. На руках мертвой женщины в утлой лодке на самой стремнине реки. Таково, если мне не изменяет память, дословное описание.

Эдил вспомнил рассказ старого констебля Тау. Тот со стыдом признал все случившееся, когда его жены доставили найденыша в замок. Констебль Тау был человеком коварным и грубым, но к своим служебным обязанностям относился весьма серьезно.

Эдил вымолвил:

– Мой дорогой доктор, не можете же вы предположить, что Йама убил ту женщину: он был тогда совсем малышом.

– Кто-то от него избавился, – сказал доктор Дисмас. – Кто-то, кто не решался его убить или не смог убить.

– Я всегда считал, что та женщина была его мать. Она от чего-то спасалась, несомненно, бежала от скандала или от гнева семьи, она родила ребенка прямо там, на реке, и умерла. Вот самое простое объяснение и, без сомнения, самое правдоподобное.

– Нам известны далеко не все факты этого дела, – возразил доктор Дисмас. – Тем не менее я тщательно изучил все записи, оставленные моим предшественником. Она провела несколько неврологических тестов вскоре после того, как Йамаманама был доставлен в ваш дом, и продолжала их в течение нескольких лет. Считая в обратном направлении и учитывая возможную ошибку, я полагаю, что Йамаманама родился по меньшей мере за пятьдесят дней до того, как

его обнаружили на реке. Каждый из нас наделен разумом. В отличие от диких зверей любой из нас, покинув утробу матери, продолжает свое интеллектуальное развитие, так как внутриутробное существование не дает достаточного количества раздражителей, чтобы стимулировать рост нервных клеток. У меня нет никаких причин сомневаться, что это не всеобщий закон развития всех разумных рас. Результаты всех тестов явственно указывают, что констебль Тау спас не новорожденного ребенка.

– Теперь уже не имеет значения, откуда он взялся и почему. По всей видимости, мы – это все, что у него есть.

Доктор Дисмас оглянулся. И хотя ближайшая группа рабочих располагалась не ближе пятидесяти шагов, меланхолично дробя камень у края аккуратной квадратной ямы, он придвинулся к эдилу поближе и произнес доверительно:

– Вы не принимаете во внимание еще одну возможность. С тех пор как Хранители оставили Слияние, появилась еще одна новая раса, хотя и ненадолго.

Эдил улыбнулся:

– Вы отрицаете мою теорию, доктор, но она по крайней мере объясняет все известные факты, тогда как вы делаете абсолютно безосновательные предположения – возводите замок на песке. Корабль Древних спустился вниз по реке за тридцать лет до того, как нашли плавучую колыбель Йамы, и никто из команды того судна не остался в Слиянии.

– Но ересь, принесенная ими, продолжает жить. Сейчас мы воюем с их идеями. Древние были предками Хранителей, и мы представить себе не можем, как велика их сила. – Доктор Дисмас искоса взглянул на эдила. – Я полагаю, – продолжил он, – были знамения, некие знаки... Слухи весьма неопределенны. Возможно, вам известно больше, чем мне. Если бы вы со мной поделились, может быть, это принесло пользу.

– Я надеюсь, вы ни с кем больше об этом не беседовали? – произнес эдил. – Подобные разговоры, хоть они и выглядят совершенной фантастикой, могут навлечь на Йаму немалую опасность.

– Я вполне понимаю, почему вы ни с кем не обсуждали сомнительное происхождение Йамаманамы, даже в своем собственном Департаменте. Но знаки – вот они, для тех, кто понимает, что нужно искать. К примеру, количество машин, летающих на окраинах Эолиса. Вам не удастся вечно скрывать такие вещи.

Машины вокруг белой лодки. Женщина в гробу. Трюки, которые Йама выделяет со сторожевыми псами. Пчелы, кормившие брошенного ребенка, вероятно, тоже были машинами.

Эдил сказал:

– Не стоит обсуждать такие вещи здесь. Тут требуется осторожность.

Ни за что на свете он не откроет доктору всей правды. Этот человек догадывается слишком о многом, ему нельзя доверять.

– Я всегда – сама осторожность.

Никогда прежде темное заостренное лицо доктора Дисмаса не напоминало маску до такой степени, как сейчас. Вот почему он принимает наркотики, догадался эдил. Наркотики – щит от ударов внешнего мира.

Эдил сурово сказал:

– Я действительно так считаю, Дисмас. Вы никому ничего не скажете о своих находках. И не станете делиться своими соображениями. Я хочу увидеть, что вы обнаружили. Возможно, вы что-нибудь упустили.

– Я принесу все бумаги сегодня вечером, и вы убедитесь, что я прав. А теперь разрешите откланяться, – сказал доктор Дисмас, – мне необходимо восстановить силы после путешествия. Подумайте о том, что я вам сообщил. Мы стоим на пороге великой тайны.

Когда доктор Дисмас ушел, эдил подозвал секретаря. Пока тот готовил ручку и чернила, укладывал кусочек красного воска на раскаленный солнцем камень, чтобы растопить, эдил

сочинял в уме письмо, которое ему требовалось написать. Письмо подорвет и так уже небезупречную репутацию доктора Дисмаса и обесценит любые заявления, сделанные аптекарем по поводу Йамы, но оно не погубит его окончательно. В нем будет высказано предположение, что из-за своей приверженности к наркотикам доктор Дисмас вступил в какой-то контакт с еретиками, которые только что пытались поджечь плавучие доки. Но намек должен быть высказан самым деликатным образом, необходимо точно соблюсти меру, ибо Эдил был абсолютно уверен, что если доктора вдруг арестуют, он тотчас выложит все, что знает. Эдил осознал, что оба они повязаны целым букетом тайн, а на другой чаше весов лежит душа мальчика – найденыша, чужака, жертвы, дара, дитя реки.

4

ЙАМАМАНАМА

Об обстоятельствах своего рождения Йама ничего не помнил, не помнил о том, как он попал в Эолис на быстроходном скифе, которым правил человек, у ног которого лежал труп, а руки были обагрены кровью собственного сына. Йама просто чувствовал, что Эолис – это его дом, дом, который он знал до мелочей, как может знать лишь ребенок, а особенно ребенок, усыновленный эдилом этого города, и оттого, неосознанно и в полной невинности, носившего на себе неосязаемую печать привилегированности.

Во времена своей славы, еще до Эпохи Мятēja, Эолис, названный так из-за зимних ветров, заунывно поющих в расщелинах между холмами, что лежат выше широкой долины реки Брис, являлся портом Города Мертвых. В те годы Из простирали свои предместья значительно дальше, чем сейчас, но и тогда уже существовал закон, что никто не может быть похоронен в его границах. Вместо этого плакальщики сопровождали своих мертвецов до Эолиса, где день и ночь горели погребальные костры для низших сословий, а для набальзамированных тел богачей в храмах звучали молитвы и успокойное пение, алтари сияли целыми созвездиями горящих лампад, мерцающих среди огромных стогов цветов и бесконечных цепочек молитвенных флагов. Прах бедноты развеивался над водами Великой Реки, а мумии власть имущих, богатых торговцев, ученых и аристократии помещались в склепы, чьи полуразрушенные, пустые раковины и сейчас еще усеивали холмы за городом. Брис, который в ту эпоху был судоходен почти до самого истока у подножия Краевых Гор, заполняли сотни и тысячи грузовых барж, доставлявших блоки сухопутного коралла, порфира, гранита, мрамора и всякого рода драгоценные камни, необходимые для сооружения склепов.

Век спустя, после того как полмира превратилось в пустыню из-за восстания одичавших машин и Хранители отняли у Слияния свое благословение, а Из сократился до размеров своей центральной части – сердца, которое уже не могло уменьшаться дальше, похоронные баржи перестали доставлять мертвых в Эолис. Вместо этого с причалов и доков Иза гробы пускали по широким водам Великой Реки, где они становились добычей кайманов, рыб, всякого рода стервятников и ворон. Как эти создания поглощали мертвых, так и Эолис уничтожал свое собственное прошлое. Гробницы и склепы лишились драгоценностей, со стен исчезли декоративные панели и фрески, одежду и украшения мумий похитили. Бронзовые орнаменты фасадов, тяжелые двери, внутреннее убранство гробниц – все переплавлено: вдоль насыпи выше города до сих пор еще видны колодцы плавлен, питаемых энергией ветряных двигателей.

После того как большая часть могил была ограблена, Эолис превратился всего лишь в перевалочный пункт, место, куда заходили корабли пополнить запасы провианта на пути от Иза в низовья реки. Именно этот город знал Йама. Тут был новый причал, пересекающий трясину, поляны полосатой травы-зебры, занесенную песком старую гавань, он тянулся к отступающему берегу Великой Реки, где рыбаки с плавучих островов собирались в своих плетеных лодках и продавали связки устриц и мидий, похожие на губку комки красного речного мха, пучки водорослей, креветок, крабов и свежую рыбу. Там царила вечная толчея и суета: у нового причала мельтешили крошечные ялики и шлюпки, мужчины проверяли снасти или трудились на отмелях в устье неглубокого Бриса, где разводили мидий с острыми как бритва раковинами. Нырляльщики ловили морских ежей и лангустов в путанице одеревеневших побегов гигантской ламинарии, чьи заросли сплетались в обширные бурые острова на поверхности реки. Вдоль старой набережной тянулась дорога, к которой вели полуразрушенные ступени; там торговцы из племен, обитающих в пустынных холмах дикого побережья ниже Эолиса, устанавливали полотняные шатры и торговали фруктами, свежим мясом, сухими грибами, съедоб-

ными лишайниками, кусками ляпис-лазури и мрамора, ободранного с разграбленных фасадов древних захоронений. Там было десять таверн и два публичных дома, торговые склады и фермерский кооператив, беспорядочно разбегающиеся улочки глинобитных домов, нависающие над узкими каналами; единственный действующий храм с белыми, как соль, стенами недавно обновил позолоту своего купола на средства, собранные по подписке. А дальше руины древних некрополей, раскинувшиеся шире, чем сам город, потом поля ямса, рафии, желтого гороха и залитые водой чеки, где выращивали рис и пеонин. Один из последних мэров Эолиса пытался развивать промышленность по переработке неоновой сырьев, чтобы хоть как-то возродить жизнь небольшого городка, но в начале войны еретики заставили умолкнуть всех оракулов, и количество жрецов резко сократилось, а значит, сократилась и потребность в натуральных красителях для их мантий. Теперь мельница, сооруженная ниже по течению, чтобы не загрязнять воды песчаной бухты, работала лишь один день в декаду.

Значительная часть населения Эолиса принадлежала к одной расе. Сами себя они называли Амнаны, что просто означало «люди», а враги звали их Болотным Племенем: тела у них массивные, но удачных пропорций, кожа сероватая либо коричневатая. Неуклюжие на суше, они были отменными пловцами и ловкими подводными хищниками, успешно охотились на гигантских выдр и ламантинов, — эти животные почти вымерли на этом участке Великой Реки. Они охотились и на рыбаков, поедая их, но когда в Эолис прибыл эдил, он положил этому конец. Женщин рождалось больше, чем мужчин. И сыновья вступали в борьбу с отцами за право владеть гаремом; если они побеждали — убивали своих младших братьев или же выгоняли их из дому. В Эолисе все еще не стихли пересуды о дуэли между констеблем Тау и его сыном. Она длилась пять дней, разворачиваясь на большом отрезке побережья и сети каналов между домами, до тех пор, пока Тау, уже с парализованными ногами, не утонул в неглубоких водах Бриса.

Эдил утверждал, что это варварский обычай, признак того, что Амнаны возвращаются к животной стадии своего развития. Сам эдил бывал в городе как можно реже, едва ли чаще, чем раз в сто дней, да и то лишь затем, чтобы посетить храм и присутствовать на торжественной службе. Йама и Тельмон сопровождали его, сидя лицом ко всем присутствующим по обе стороны от своего отца в мантиях из грубого колючего сукна на жестких стульях с затейливой резьбой. Часа три-четыре длились поклоны, жертвоприношения и хвалебные песнопения. Йаме нравилась твердыня храма, высокое чистое пространство внутри его стен, черный диск оракула в резной золоченой раме, мозаичные картинки в нефах, представляющие сцены конца света, на которых Хранители, изображенные как облака света, указывают воскресшим из мертвых дорогу в восхитительный мир райских кущ и светозарных садов. Сама помпезная торжественность церемонии службы ему тоже нравилась, хотя он и не считал ее необходимой. Хранители, которые и так все видят, не нуждаются в ритуальном восхвалении. Просто жить, работать, бродить, играть в созданном ими мире — уже сама по себе хвала. Он чувствовал себя значительно счастливее, молясь у оракулов, расположенных у самого края обитаемого мира на дальнем берегу Великой Реки, куда совершались паломничества каждый год во время зимнего праздника, когда тройная спираль Галактики первый раз поднималась во всем блеске своего великолепия над водами Великой Реки и большинство обитателей Эолиса целыми флотилиями пускались в путь, к дальнему берегу, раскидывали там шатры, разводили костры, фейерверками приветствуя наступление зимы, танцевали, молились, пьянствовали и веселились целую декаду.

Эдил принял Йаму в свое семейство, но он был человек суховатый, углубленный в научные изыскания, занятый своими служебными обязанностями или поглощенный работой на раскопках и бесконечными измерениями и расчетами, посредством которых он пытался разделить все, что возможно, на нечто иное, намереваясь выделить первичную сущность, приводящую в гармонию мир, а может быть, и Вселенную. Это не оставляло ему времени на тихие домашние

беседы. Как и многие далекие от мира ученые люди, Эдил обращался с детьми, как с миниатюрными взрослыми, не в состоянии понять, что дитя – это примитивный, еще не вылепленный сосуд и форма его податлива и ненадежна. Как следствие этого добродушного небрежения Йама и Тельмон провели детские годы под присмотром то одного, то другого из домашней прислуги эдила или же вольно резвились среди сухих холмов Города Мертвых. Случалось, что летом Эдил вместе со своими домочадцами покидал замок на целый месяц, перебираясь к месту одного из своих раскопов в Городе Мертвых. Когда Йама и Тельмон не были заняты помощью на медленной изнурительной работе в раскопках, они отправлялись охотиться и исследовать пустынные окраины Города Мертвых. Тельмон искал редких насекомых для своей коллекции, а Йама допрашивал голографические фантомы – у него был талант их будить, а потом раздраживать, заставляя открывать ему мельчайшие подробности жизни людей, чьи портреты фантомы воссоздавали и для кого они служили стражами и заступниками.

Из них двоих Тельмон был естественным предводителем: на пять лет старше, высокий, серьезный, терпеливый, бесконечно любознательный, с прекрасной темной кожей, как будто подсвеченной теплым каштановым оттенком. Он от природы был прекрасным наездником и стрелком из лука, арбалета и ружья, частенько в одиночестве отправлялся на охоту к далекой гряде предгорий, где вода Бриса бешено неслась белым потоком сквозь плотины и бьефы старинной системы каналов. Он любил Йаму как настоящего брата, и Йама тоже его любил, известие о его смерти было для Йамы таким же страшным ударом, как и для самого эдила.

Официальное обучение возобновлялось зимой. Два дня в неделю сержант Роден обучал Тельмона и Йаму приемам самозащиты, борьбы и искусству верховой езды, все остальное образование было доверено Закилю, библиотекаря. Закиль, единственный во всем замке, был рабом, когда-то он служил архивариусом, но впал в какую-то непроизносимую ересь. Казалось, Закиль вовсе не тяготился своим статусом раба. До того как на него наложили клеймо, он трудился в обширных хранилищах библиотеки Дворца Человеческой Памяти, теперь он стал библиотекарем замка. Он ел свою простую пищу среди стеллажей, забитых книгами и манускриптами, а спал на кровати в темном углу под полкой с древними фолиантами *in quarto*, железные переплеты которых покрывались ржавчиной, ибо ничья рука веками их не тревожила. Вся мудрость – в книгах, полагал Закиль, и если у него и была какая-либо страсть (кроме, конечно, той таинственной ереси, но о ней он никогда не упоминал), то именно книжная премудрость. Наверное, во всем доме эдила он был самым счастливым человеком, ведь ему ничего в жизни не требовалось, кроме его работы.

– Раз Хранители целиком и полностью понимают Вселенную и держат ее в своем разуме как единое целое, то из этого следует, что все тексты, проистекающие из сознания, созданного Хранителями, являются отражением их эманации, – не раз говорил Закиль Йаме и Тельмону. – Нам нужно измерять не мир, а отражения мира, профильтрованные сквозь созданный Хранителями мозг. Но эдилу, мальчики, не говорите о моих рассуждениях. Он счастлив в своем бесконечном поиске невыразимого, и я бы не стал беспокоить его такой тривиальной идеей.

Считалось, что Йама и Тельмон изучают математическую логику, Пураны и Протоколы Департамента, но на самом деле они в основном слушали, как Закиль вслух читал им отрывки избранных работ по естественной философии, а потом вел с ними долгие диспуты по всем правилам. Йама и читать научился сначала вверх ногами, следя, как библиотекарь справа налево водит по знакам пальцем в чернильных пятнах и нараспев декламирует звонким голосом. Позже ему снова пришлось учиться читать, на сей раз правильно, и потом, в свою очередь, тоже декламировать. Оба они, и Йама, и Тельмон, знали большую часть Пуран наизусть, Закиль побуждал их к обширному чтению: они изучали хрестоматии, читали древние инкунабулы, но если Тельмон строго следовал установленной Закилем программе, то Йама предпочитал проводить время в праздных мечтаниях над бестиариями, манускриптами и картами – особенно картами.

Йама перетаскал из библиотеки уйму книг. Казалось, что похищая их, он заглаживает теми мыслями и чудесами, что в них описаны, как будто захватывает, частичка за частичкой, весь мир. Большинство этих книг Закиль вернул на место, разыскав их в многочисленных укромных уголках в самом доме и на развалинах вокруг замка, показав себя более умелым следопытом, чем Тельмон или сержант Роден, но кое-что Йаме все-таки удалось сохранить – карту обитаемой части мира. Карта представляла собой свиток, шириной в ладонь, а длиной с два его роста, который наматывался на гибкий сердечник с изображением крохотных фигур тысячи рас, застывших в выразительных позах. Материал карты был тоньше шелка и прочнее стали. С одной стороны виднелись алые, белые, бурые хребты Краевых Гор, а по другой вилась широкая лента Великой Реки, с узким полем дальнего берега, где не было ничего обозначено. Йама знал, что там, на дальнем берегу, находилось множество святилищ и памятников святым столпникам; он видел их каждый год, когда весь город устремлялся за Великую Реку, чтобы фейерверками и ликованием отпраздновать восход Галактики в начале новой зимы; его всегда удивляло, почему же ничего этого нет на карте? Ведь на ней показана такая масса мельчайших деталей. Между Великой Рекой и Краевыми Горами лежала узкая полоса обитаемой земли, тут были зеленые равнины, небольшие горные хребты, цепи озер и охряные пустыни. Большая часть городов располагалась вдоль ближнего берега Великой Реки, тысяча, а может быть, больше; названия их высвечивались на карте, когда Йама дотрагивался до нее пальцем. Самые крупные города лежали ниже истоков: Из – громадное пятно, расплывшееся по извилистой путанице дельты, там, где река набирала свою мощь, впитывая воды ледников и снежных полей, покрывающих все, кроме Хребта Терминала. Когда составлялась карта, Из был на вершине своей славы, причудливая сеть улиц, парков и храмов простиралась от берега Великой Реки до первых отрогов и каньонов Краевых Гор. Простой стеклянный диск, закрепленный на сердечнике проволоочной катушкой, открывал взгляду детали расположения улиц. Сжав края диска, можно было настроить увеличение так, что становились различимы даже отдельные здания, и Йама проводил долгие часы, разглядывая сгрудившиеся крыши домов и воображая, что сам он стал меньше пылинки и может теперь свободно бродить по улицам древнего города, существовавшего в век более ясный, чем нынешний.

Вступая в пору зрелости, Йама все сильнее ощущал беспокойство и тревогу. Он мечтал отправиться на поиски людей своей расы. Кто знает, может, они были высокородным и сказочно богатым кланом или сборищем отчаянных авантюристов, направляющих свои корабли вниз по течению к центру мира и концу Великой Реки, чтобы пуститься в невероятные приключения среди плавающих островов... А может, они принадлежали к сообществу магов, обладающих таинственной волшебной силой, и эта самая сила спит, невостребованная, в глубине его естества.

Йама выдумывал невероятно сложные сюжеты, связанные с его воображаемой расой, и Тельмон терпеливо слушал их во время долгих ночных страж, когда они лагерем стояли среди саркофагов Города Мертвых.

– Никогда не теряй своего воображения, – говорил Тельмон, – кем бы ты ни оказался и откуда бы ни пришел, оно – твой самый замечательный дар. Но ты должен наблюдать и за реальным миром, научиться читать и понимать, запоминать все его знаки, самые мелкие его холмы и леса, пустыни и горы, Великую Реку и тысячи речек, вливающих в нее, тысячи городов и десять тысяч рас. Знаю, ты очень любишь свою старую карту, но чтобы познать мир, надо жить в нем, в таком, как он есть на самом деле. Попробуй, и ты увидишь, какими богатыми, странными и захватывающими станут твои рассказы. Я уверен, они тебя прославят.

Это было в конце последней зимы, которую Тельмон провел дома, за несколько дней до того, как он повел свой отряд на войну. Они с Йамой отправились в трехдневный рейд по холмам в глубь суши, ведомые слухами о драконе. Низкие серые облака неслись к Великой Реке, погоняемые холодным ветром, студеной дождь, колкий от сверкающих в нем крошеч-

ных льдинок, бил в лицо. Они мерно двигались в изгибающейся цепи загонщиков справа и слева. Под мрачным небом расстилались пустоши: холмистые и набухшие от дождя, покрытые густыми зарослями папоротника и алыми островками вереска, расчерченные быстрыми, темными от торфяной пыли ручьями, с разбросанными там и тут кучками разметенного ветром можжевельника и кипарисов и яркими зелеными куполами мха. Йама и Тельмону пришлось спешиться, потому что лошади впадают в бешенство при намеке на запах дракона. На них были полотняные брюки, длинные клетчатые плащи, надетые поверх курток; приходилось нести тяжелые луки и связки длинных стрел с острыми керамическими наконечниками. Они промокли, продрогли на ветру и окончательно измучились.

– Я поеду с тобой, – сказал Йама, – я отправлюсь на войну и буду сражаться бок о бок с тобой, а потом сочиню эпическую поэму о наших приключениях, и она будет звучать в веках.

Тельмон рассмеялся:

– Сомневаюсь, чтобы мне удалось увидеть сражения.

– Я уверен, твой отряд принесет славу нашему городу.

– Ну, выправка-то у них хорошая, надеюсь только, что она им понадобится лишь на параде.

После того как эдил получил приказ выставить отряд в сотню человек для участия в боевых действиях, Тельмон сам отбирал каждого человека, в основном младших сыновей, у которых почти не было шансов завести гарем. С помощью сержанта Родена он обучал их шестьдесят дней, и теперь через три дня придет корабль и заберет их вниз по реке, на войну.

Тельмон сказал:

– Больше всего я хочу, Йама, вернуть их всех в целости и сохранности. Я поведу их в бой, если прикажут, но они предназначены для работы в тылу, в частях обеспечения, и меня это устраивает. На каждого мужчину и женщину, лицом к лицу сражающихся с еретиками, нужны десять, чтобы снабжать армию, строить оборонительные сооружения, ухаживать за ранеными и хоронить мертвых. Вот почему в каждом городе, деревне, поселке потребовалось собрать отряд. Войне необходимы тыловые войска так же, как и идущие в бой.

– Я пойду добровольцем. Мы можем служить вместе, Тель.

– Прежде всего ты должен заботиться об отце. И, кроме того, есть Дириг.

– Она не будет против. И к тому же у нас нет... Тельмон догадался, о чем речь, и возразил:

– Смешанных браков полным-полно, если уж у вас все так серьезно.

– Мне кажется, что да, Тель. Но я не женюсь, пока ты не вернешься, и я не женюсь, пока мне не выпадет шанс пойти в бой.

– Уверен, что если уж тебе так не терпится, шанс выпадет.

– Как ты думаешь, правда, что еретики воюют с помощью магии?

– Вероятно, они владеют технологиями, им передали их Древние. Они могут казаться магией, но это просто потому, что мы их не понимаем, но правда на нашей стороне, Йама. Мы сражаемся, сберегая в своем сердце волю Хранителей. Это лучше любой магии.

Тельмон легко вскочил на поросший травой бугор, посмотрел в обе стороны, чтобы проверить, как двигаются загонщики. Но именно Йама, глядя прямо вперед и ощущая лицом резкий секущий ветер, увидел маленькую искорку света, вдруг возникшую за широко раскинувшейся перед ними торфяной пустошью.

Он закричал, указывая направление, а Тельмон стал свистеть в свой серебряный свисток, поднимая над головой руки, чтобы загонщики на обоих концах цепочки начинали поворачивать друг к другу, замыкая круг. Зазвучали другие свистки, передавая сигнал дальше, а Йама и Тельмон бросились вперед против слепящего ветра, перескочили через ручей и изо всех сил помчались к пятнышку света, которое мигало и разрасталось в центре темнеющей равнины.

Это горел можжевельник. Жар был настолько силен, что спалил всю траву; пламя трещало, пожирая смолистые ветки, выбрасывая в мокрую тьму длинные языки огня и ароматный

дым. Пораженные, Тельмон и Йама смотрели на костер, потом обнялись, хлопая друг друга по плечам.

– Он здесь, – закричал Тельмон, – я уверен, он здесь!

Они осмотрелись, и почти сразу в гуще вереска Тельмон нашел длинный след шириной в тридцать шагов и более пятисот – в длину, он был выжжен до самой дельты и покрыт слоем сырого черного пепла.

Тельмон сказал:

– Самец оставляет такой след, чтобы привлечь самок. Размер и форма показывают, что это сильный, здоровый экземпляр.

– Наверное, он очень большой, – заметил Йама. Возбуждение, которое он чувствовал, пока бежал к огню, улеглось, и теперь он ощущал нечто вроде облегчения. Ему не придется встречаться с драконом. Еще не сейчас. Он измерил шагами длину следа, а Тельмон в это время присел на корточки и в свете горящего дерева шуровал в пепле.

– Четыреста двадцать восемь, – сказал, возвращаясь, Йама. – А какой величины должен быть этот дракон, Тель?

– Довольно крупный. Думаю, он и в охоте удачлив. Посмотрим на следы челюстей. Здесь две разновидности.

Они осмотрели местность вокруг следа, двигаясь как можно быстрее, так как свет все слабел. Дерево почти догорело, когда к ним присоединились загонщики. Они расширили круг поиска, но дракон исчез.

Тремя днями позже Тельмон вместе с отрядом из Эолиса погрузился на караку, которая стояла на якоре в плавучей гавани на пути из Иза к театру военных действий в срединной точке света. Йама не пошел провожать Тельмона, вместо этого он влез на утес над Великой Рекой и запустил своего грозного воздушного змея, который реял на ветру, а небольшая флотилия скифов – в каждом по десятку человек – двигалась на веслах к большому кораблю. Змея Йама сделал в виде красного дракона, его хвост завивался вдоль длинного тела, а из крокодильих челюстей извергался огонь. Ветер с хлопаньем унес его ввысь, Йама зажег запалы и перерезал бечевку. Змей медленно плыл в небе над Великой Рекой, цепочка запалов взрывалась огнем и дымом, пока наконец последний, самый могучий не подпалил ромбовидное тело дракона и тот не свалился с небес.

После того как пришло известие о смерти Тельмона, в душе Йамы поселилось какое-то неясное беспокойство. Он проводил долгие часы, изучая карту или всматриваясь в горизонт через телескоп на башне гелиографа. Там, в верховьях реки, он всегда чувствовал присутствие шумного города, такого ощутимого, но исчезающего в недоступной дали!

Из! Когда воздух был особенно прозрачен, Йама мог мельком увидеть стройные сияющие башни, возвышающиеся в сердце города. Башни были так высоки, что уходили вверх за пределы видимости, превосходя размерами голые пики горной стены Красного Хребта и уходя в атмосферу дымкой, окутывающей сам город. Из был в трех днях пути по реке, по суше времени требовалось в четыре раза больше, но даже и на таком расстоянии древний город властвовал над всей округой и над мечтами мальчика.

После смерти Тельмона Йама начал методично планировать свой побег, хотя на первых порах он и не рассчитывал его именно как побег, скорее как естественное продолжение тех экспедиций, в которые он пускался сначала с Тельмоном, а позже с Анандой и Дириив по Городу Мертвых. Сержант Роден любил говорить, что самые неудачные военные кампании терпели крах не из-за успешных действий противника, а чаще из-за сбоев в жизненно важных поставках и возникновения форс-мажорных обстоятельств. Вот Йама и делал запасы из похищенных продуктов, пряча их в укромных местечках среди развалин замка. Но на самом деле он не думал всерьез об осуществлении своих планов до самого дня, когда встретился с Лудом и Лобом и когда доктор Дисмас явился с визитом к эдилу.

Доктор Дисмас прибыл, когда ужин подходил уже к концу. По заведенному порядку эдил и Йама ужинали вместе в Большом Зале, сидя на одном конце длинного полированного стола под сводчатым потолком, откуда свисал груз знамен, большей частью таких древних, что вытканые на них гербы и геральдические знаки выцвели без следа, оставив лишь неразличимую вуаль стершихся точек. То были штандарты предков эдила. Он спас их от великого жертвенного костра тщеславия, когда нынешняя администрация Департамента Туземных Проблем, придя к власти, кинулась искоренять прошлое во всех его проявлениях.

Призраки. Призраки над головой и призрак в пустом кресле по правую руку эдила.

Слуги входили и выходили, действуя точно и бесшумно. Сначала принесли похлебку из чечевицы, потом ломтики манго, посыпанные имбирем, затем куски жареного сурка, выложенные на листьях кресс-салата. Эдил говорил мало, разве что спросил Йаму, как прошел день.

Йама провел утро, разглядывая баркас, бросивший якорь пониже бухты три дня назад, и сейчас сказал, что хотел бы взять лодку, чтобы подплыть поближе и лучше его разглядеть.

Эдил заметил:

– Интересно, почему он не встал у нового причала? Он не так велик и легко войдет в устье бухты, а вот не встал. Нет, полагаю, тебе не стоит туда отправляться. Видишь ли, Йама, на войну с еретиками забирают не только смелых и порядочных людей, всякого рода негодяев берут тоже.

На мгновение оба они подумали о Тельмоне. Призраки, незримо заполнившие все вокруг. Эдил сменил тему:

– Когда я сюда впервые приехал, в бухту могли заходить суда любого размера, а когда уровень воды упал, я приказал построить новый причал. Теперь же крупные суда должны бросать якорь в плавучей гавани, но скоро придется передвигать и ее, чтобы принимать самые большие корабли. Если исходить из нынешней скорости обмеления, то, по моим подсчетам, через пять сотен лет река абсолютно высохнет.

– Но есть еще Брис.

– Ну разумеется, разумеется. Но откуда берутся воды Бриса? Только от таяния снегов в Краевых Горах, а снег в свою очередь – это осадки из туч, в которых скопилась влага, испаряющаяся с поверхности Великой Реки. Иногда я думаю, что городу следует вновь отстроить старые шлюзы. В каменоломнях за городом все еще есть хороший мрамор.

Йама вскользь заметил, что доктор Дисмас вернулся из Иза, но эдил только сказал:

– Да-да. Я даже говорил с ним.

– Наверное, он пристроил меня на какое-нибудь ничемное место мелкого клерка.

– Сейчас не время обсуждать твое будущее, – ответил эдил и углубился в книгу, что в последнее время стало у него превращаться в обычай. Одной рукой он делал заметки на полях книги, а другой размеренно брал еду, и это сводило Йаму с ума, ему хотелось встать и убежать в караулку, чтобы расспросить сержанта Родена, который перед наступлением темноты как раз вернулся из патруля.

Слуги убрали со стола большой серебряный поднос с остатками жаркого и как раз вносили блюдо с ледяным шербетом, когда мажордом прошествовал вдоль всего зала и объявил о приезде доктора Дисмаса.

– Пригласи его сейчас же войти. – Эдил захлопнул книгу, снял очки и сказал Йаме: – Беги, мой мальчик. Знаю, тебе хочется допросить сержанта.

Сегодня днем Йама воспользовался телескопом, чтобы следить за эдилом и доктором Дисмасом, когда они встретились и о чем-то беседовали на пыльном склоне холма в Городе Мертвых. Он считал, что доктор Дисмас ездил в Из, чтобы устроить ему место ученика в каком-нибудь пыльном углу эдилова Департамента. А потому, направившись в караулку, он изменил курс и тихонько пробрался на галерею под самым потолком Большого Зала, где по праздникам прятались музыканты и, незримые, услаждали серенадами слух гостей эдила. Йама просунул

голову между древками двух пыльных знамен и обнаружил, что смотрит прямо на эдила и доктора Дисмаса.

Оба они пили портвейн, такой темный, что он казался черным, а доктор Дисмас закурил одну из своих сигарет. Йама ощущал запах пахнувшего гвоздикой дыма. Выпрямившись, доктор Дисмас сидел на резном стуле в застывшей позе, и только его белые руки, как живые существа, непрестанно двигались на полированной поверхности стола. Перед ним были разложены бумаги, от которых в воздухе мерцали какие-то голубые точки и черточки. Йама многое бы отдал, чтобы иметь под руками бинокль и разобрать, что написано в этих бумагах и что означают эти схемы.

Йама ожидал, что эдил будет обсуждать с доктором Дисмасом перспективы его ученичества, однако вместо этого эдил завел речь о доверии.

– Когда я взял Йаму в свой дом, я также взял на себя ответственность родителя. Я воспитал его, как смог, приложил для этого все усилия, и я пытался принять решение о его будущем, храня в своем сердце только его интересы. Вы требуете, чтобы я в мгновение ока все это отбросил, поставил на карту мой долг по отношению к мальчику, основываясь на неких смутных обещаниях.

– Не только, – сказал доктор Дисмас, – раса мальчика...

Сердце Йамы забилося быстрее, но эдил сердито оборвал доктора:

– Это не имеет значения. Я помню, что вы мне сообщили. Это убеждает меня, что я обязан позаботиться о его будущем.

– Я понимаю. Но при всем моем уважении позвольте заметить, что вы можете оказаться не в состоянии защитить его от тех, кто пожелает о нем узнать и решит, что его можно использовать. Я говорю о более серьезных уровнях, чем Департамент Туземных Проблем. Я говорю о могучих силах, силах, которые ваши несколько десятков солдат не смогут задержать и на секунду. Вам не следует ставить себя между этими силами и тем, что они пожелают получить.

Эдил вскочил так резко, что опрокинул свой бокал с вином. На мгновение Йаме в его укрытии показалось, что его опекун сейчас ударит доктора Дисмаса, но эдил повернулся спиной к столу, сжал кулаком подбородок и сказал:

– Кому вы рассказали, доктор?

– Пока только вам.

Йама понял, что доктор Дисмас лжет: ответ выскочил из его губ слишком поспешно. Он не знал, догадался эдил или нет.

– Я заметил, что баркас, доставивший вас из Иза, все еще стоит на якоре вне акватории бухты. Меня интересует, что это значит?

– Думаю, я мог бы спросить капитана. Он мой знакомый.

Эдил обернулся к доктору.

– Понимаю, – холодно сказал он. – Значит, вы угрожаете...

– Мой дорогой эдил! Я пришел в ваш замок не затем, чтобы угрожать. Надеюсь, я достаточно хорошо воспитан, чтобы не допускать подобного поведения. Это не угрозы, просто прогноз событий. Вы знаете, что я думаю о происхождении мальчика. Имеется лишь одно объяснение. Полагаю, что любой человек, получив эти свидетельства, пришел бы к такому же выводу, что и я, однако моя правота в данном случае не имеет значения. Необходимо учитывать, в какой опасности может оказаться мальчик. Мы находимся в состоянии войны, а вы прячете его от своего собственного Департамента. Вам не понравится, если ваша лояльность будет поставлена под сомнение. Еще раз.

– Осторожнее, доктор. Я мог бы приказать вас арестовать. По слухам, вы – некромант, занимаетесь магией. К тому же все знают, что вы употребляете наркотики. Доктор Дисмас спокойно ответил:

– Ну, первое – это только сплетни, а второе, хотя и может быть правдой, едва ли имеет значение, ведь вы только что продемонстрировали доверие ко мне, ваше письмо хранится в моем Департаменте. Копии тех бумаг, которые мне удалось обнаружить, тоже. Арестовать меня вы, конечно, можете, но вот держать в тюрьме – нет: сами будете выглядеть глупцом или взяточником. Но зачем нам ссориться? У нас общий интерес. Мы оба хотим уберечь мальчика от зла и расходимся только во взглядах на то, как его защитить.

Эдил снова сел, пробежал пальцами по серой коже лица и спросил:

– Сколько вы хотите?

Доктор Дисмас засмеялся. Смех его был похож на треск ломающегося под порывами ветра старого дерева.

– На одной чаше весов золотой самородок – ваш сын, а на другой – легчайшее перышко ваших денег. Не буду даже притворяться оскорбленным.

Он встал, вытащил окурок своей сигареты из мундштука, загасил его в лужице портвейна, расплескавшегося из стакана эдила, и потянулся к мерцающим схемам. Щелчок – и схемы исчезли. Доктор Дисмас подбросил в воздух кубик проектора, и тот исчез в кармане его длинного черного сюртука. Он сказал:

– Если вы не предпримете нужных шагов, то я сам буду вынужден это сделать. И поверьте, тогда ваша участь будет незавидна.

Когда доктор Дисмас ушел, эдил сгреб бумаги и прижал их к груди. Плечи его тряслись. Йама, сидя наверху, мог бы подумать, что его опекун плачет, но он, конечно, ошибался. Это невероятно, ведь никогда прежде, даже при известии о смерти Тельмона, эдил не выказывал никаких признаков горя.

5 ОСАДА

В ту же ночь Йама долго не мог заснуть, он лежал, глядя в темноту, а мысли его неслись в бешеном галопе; он пытался понять, что же такое обнаружил доктор Дисмас. В одном он по крайней мере был уверен: это связано с его происхождением, с его расой; постепенно он сумел себя убедить: эти сведения таковы, что доктор Дисмас оказался в состоянии шантажировать эдила. Возможно, его родители были еретиками, или убийцами, или пиратами... но в таком случае, кто мог бы его использовать и какие силы им бы заинтересовались? Он вполне осознавал, что, как и все сироты, он заполнил пропасть отсутствия родителей невообразимыми выдумками. Они могли быть героями войны, живописными негодяями, безмерно богатыми аристократами; они только не могли оказаться обычными маленькими людьми, ибо это означало, что и сам он – заурядность и оставили его не из-за какой-то невероятной авантюры, громкого скандала, а просто из-за мелких житейских трагедий, свойственных простым человеческим жизням. В глубине души Йама знал истинную ценность этим выдумкам и, хотя он давным-давно их оставил, как оставил свои детские игрушки, возвращение доктора Дисмаса вновь их пробудило, и теперь все эти истории, любовно придуманные им в детстве, яркой чередой пронеслись в его голове, истаявая в беспокойных снах, наполненных непонятным ожиданием. Когда солнце выползло из-за ломаной линии Краевых Гор, Йаму разбудили звуки какой-то возни у него под окнами. Он открыл ставни и увидел, как садятся на лошадей три пятерки солдат гарнизона в черных, сияющих медью латах, пестрых, как панцирь жука-скарабея, в килтах из полосок красной кожи и горящих огнем, отполированных шлемах. Сержант Роден, коренастый и бритоголовый, стоял, держась за луку седла своего мерина, и следил, как его люди взлетают на коней, устраиваясь в седлах. Из лошадиных ноздрей вырывались клубы пара, позвякивала сбруя, копыта стучали об асфальт, когда лошади переступали ногами. Другие солдаты складывали лестницы, железные кошки, осадные ракеты и мотки веревки в кузов закопченной паровой повозки. Двое слуг возились с паланкином эдила, плывущим в вершке от земли, пытаясь установить его в центре двора. Наконец появился сам эдил, облаченный в официальную мантию: черный соболь, отороченный белыми перьями, шуршащими в струях холодного утреннего ветерка.

Слуги помогли эдилу перебраться через светящуюся занавесь паланкина и сесть на возвышение под балдахином, раскрашенным в золотые и красные цвета. Сержант Роден высоко взмахнул рукой и процессия – паланкин, сопровождаемый с обеих сторон колоннами всадников, – двинулась из двора замка. Черный дым и искры летели из высокой трубы паровой повозки; белый пар струей вырывался из выхлопных труб; двигаясь, ее обитые жестью колеса высекали из асфальта снопы искр. Йама моментально натянул на себя одежду. Повозка еще не успела проехать арку ворот в старой стене, а он уже оказался в караулке и расспрашивал конюхов.

– Поехали арестовывать, – сообщил один из них. Это был высокий атлет, с бритой, похожей на пулю головой и могучей шеей, заканчивающейся горой мышц на спине, и темной блестящей кожей глубокого коричневого оттенка с разбросанными кое-где более светлыми островками. Он последовал за эдилом в ссылку из Иза и был, после сержанта Родена, самым старшим среди слуг.

– Не думай, что мы оседлаем твою лошадь, молодой господин. У нас строгий приказ держать тебя дома.

– Думаю, вам не велели говорить мне, кого они собираются арестовывать, но это и не имеет значения, я и так знаю: это доктор Дисмас.

– Хозяин не ложился всю ночь, – сказал Торин, – все разговаривал с солдатами. Я разбудил повара еще до рассвета, чтоб приготовил ему ранний завтрак. Там, наверное, будет драка.

– Откуда ты знаешь?

Торин дерзко усмехнулся, показав похожие на белые иглы зубы.

– И так ясно. На рейде все еще стоит тот корабль. Они могут попытаться его выручить. Та кучка матросов. Интересно, что они тогда искали?

Йама сказал:

– Но они наверняка за нас.

– Некоторые считают, что они за доктора Дисмаса, – возразил Торин. – В конце концов, именно они доставили его в город. Увидишь, обязательно прольется кровь, иначе это дело не кончить. Повар со своими ребятами готовит бинты, и если тебе нечего делать, можешь им помочь.

Йама снова кинулся бежать, на сей раз в кухню. Схватил сахарную булку с противня, только что вынутого из печи, и, прыгая через две ступени, помчался по черной лестнице, на ходу откусывая большие куски. Он постоял за колонной, выжидая, пока старик, прислуживающий эдилу в спальне, запрет дверь и, перекинув через руку смятые полотенца, удалится шаркающей походкой; потом он попробовал ножом открыть замок – современную механическую штуку размером с человеческую голову. Отодвинуть одну за другой собачки замка оказалось делом несложным, так же как и успокоить машины, хором протестовавшие против его вторжения, хотя целая минута ушла, чтобы убедить возгоночный куб, что присутствие Йамы не повредит его тонкие механизмы.

Йама стал торопливо искать бумаги, которые принес доктор Дисмас, но их не было среди разбросанных на столе листов, не было их и в дорожном бюро сандалового дерева с целой панелью выдвигающихся ящичков. Может, бумаги остались в кабинете сторожевой башни, но там был старый замок, его Йама никогда не мог уговорить открыться.

Он закрыл бюро и присел на корточки. В этой части дома царил покой. Тонкие лучи утреннего солнца проникали в высокие узкие окна, высвечивая изысканный узор ковра, лежащую вверх обложкой книгу, брошенную на столик рядом с креслом, где обычно читал эдил. Закиль, наверное, уже ждет его в библиотеке, но сейчас есть дела поважней. Йама вернулся во двор через кухню, срезал дорогу через сад, помчался по крутому склону бруствера, нырнул в развалины и, проскочив их, побежал к городу.

Башня доктора Дисмаса стояла сразу за городской стеной. Высокая и узкая, когда-то она использовалась для производства дробы. Капли расплавленного металла, падая и охлаждаясь, превращались в идеальные сферы и ныряли для закаливания в бассейн с водой у основания башни. Строители башни, желая создать рекламу ее назначению, проделали в ней узкие, похожие на бойницы окна и устроили парапет с зубчатой балюстрадой, имитируя сторожевую башню замка. Когда литейня была разрушена, башню некоторое время действительно использовали как сторожевой пост, но потом построили новую городскую стену с башней снаружи, и эта осталась без дела; камни медленно крошились от врывающихся в них побегов плюща, как мантией окутавшего все сооружение; дробилитная платформа на верху башни превратилась в логово сов и летучих мышей.

Доктор Дисмас поселился в башне, когда занял пост аптекаря. Как только все было расчищено, установлены новые лестницы и настелены полы трех этажей внутри, а над зубчатой балюстрадой поднялся высокий шпиль, доктор Дисмас закрыл двери башни для публики, предпочитая использовать для аптеки комнату, выходящую окнами на берег реки. Люди говорили, что в башне он занимается всякого рода черной магией: от некромантии до хирургических опытов по сотворению химер и прочих чудовищ. Болтали, что у него был гомункулус, отцом которого стал он сам, для чего изувечил девушку, похищенную из племени рыбаков. Гомун-

кулус жил в соленой воде и мог прорицать будущее. В Эолисе любой мог поклясться, что это правда, хотя, разумеется, своими глазами никто ничего не видел.

Когда Йама добрался до башни, солдаты уже начали осаду, а на безопасном расстоянии уже собралась толпа, чтобы позабавиться зрелищем. Сержант Роден стоял у дверей в подножии башни, шлем он засунул под мышку и лающим голосом зачитывал приказ. Эдил, выпрямив спину, сидел в паланкине под балдахинном в окружении солдат и взвода городской милиции там, где ни выстрелы, ни возможная потасовка не могли его побеспокоить. Милиционеры – разношерстная команда в плохо подогнанной амуниции, вооруженная в основном самодельными мушкетонами и ружьями, – были построены в две ровные шеренги, будто приготовились участвовать в великолепном спектакле. Лошади эскорта мотали головами, их нервировала толпа и непрерывное шипение костра паровой повозки. Йама взобрался на выступ разрушенной стены в тылу у толпы, состоящей только из мужчин. Женам не позволялось покидать гаремы. Люди стояли плечом к плечу: кожа коричневатая или серая, тяжеловесные, плотные, на коротких мускулистых ногах, с голой грудью, одетые лишь в полосатые штаны или килты. От них воняло потом, рыбой, застоявшейся речной водой; они толкали и теснили друг друга, чтобы лучше видеть происходящее. В воздухе витало радостное ощущение зрелища, как будто заезжий театр ставил забавную пьесу. Давно пора отомстить этому колдуну, говорили они друг другу, считая, что не так-то просто будет эдилу выкурить его из гнезда.

Разносчики вовсю торговали шербетом, сладостями, жареными пирожками из речных водорослей, ломтями арбуза. Кучка блудниц дюжины различных рас в коротеньких, ярко раскрашенных хитонах, с набеленными лицами и конусами фантастических париков расположились на небольшом возвышении позади толпы и смотрели на происходящее, передавая друг другу маленький телескоп. Их сутенер, рассчитывая, конечно, на легкую прибыль, когда закончится представление, бродил в толпе, перебрасывался шутками с мужчинами и продавал сигареты с гвоздичным ароматом. Йама пытался высмотреть блудницу, с которой он провел ночь перед тем, как Тельмон ушел на войну, не нашел ее и густо покраснел, встретившись взглядом с сутенером, который ему подмигнул.

Сержант Роден еще раз пролаял приказ, но так и не дождавшись ответа, надел на свою бритую, иссеченную шрамами голову шлем и захромал назад, туда, где оставались эдил и другие солдаты. Он облокотился на край паланкина, и они с эдилом о чем-то коротко посоветовались.

– Надо выкурить его оттуда! – закричал кто-то, в толпе прокатился одобрительный шум.

Паровая повозка выбросила облако черного дыма и двинулась вперед; солдаты спешили и пошли вдоль толпы, выбирая из ее рядов добровольцев. Сержант Роден произнес перед храбрецами короткую речь и раздал монеты, под его руководством они подняли с повозки таран и, сопровождаемые солдатами, потащили его к башне. Солдаты держали над головами круглые щиты, но из башни не доносилось ни единого звука, пока добровольцы не приложились тараном к ее дверям.

Тараном служил ствол молодой сосны, оплетенный стальной спиралью, который покоился в люльке из широких кожаных полос с петлями для рук восьми человек, довершал снаряжение стальной наконечник в форме козлиной головы с мощными закрученными рогами. Толпа криками поддерживала смельчаков, пока они со все нарастающей амплитудой раскачивали таран. – Раз! Два!

При первом ударе дверь загудела, как барабан, целое облако летучих мышей выпорхнуло из окон верхнего этажа башни. Они носились над головами толпы, с сухим треском хлопая крыльями, люди смеялись и подпрыгивали, пытаясь их ловить. Одна из блудниц бросилась бежать по дороге, колотя обеими руками по голове, чтобы прогнать двух мышей, запутавшихся в ее громадном коническом парике. В толпе захохотали. Блудница споткнулась, упав вниз лицом; тут подбежал милиционер, ножом полоснул одну из летучих мышей, вторая наконец высвободилась.

дилась и взмыла в воздух, милиционер наступил на свою добычу и растер ее в кровавое пятно. Остальная стая, будто сдутая ветром, поднялась вверх и растворилась в голубом небе.

Таран снова и снова бил в дверь. Добровольцы теперь нащупали ритм; толпа радостно колыхалась вместе с ритмичными ударами. Кто-то сказал рядом с Йамой:

– Надо его выкурить.

Оказалось, что это Ананда. Как всегда, он был в своей оранжевой мантии. В руках у него был маленький кожаный мешочек с ладаном и елеем. Он объяснил Йаме, что его господин явился сюда, чтобы изгнать из башни злых духов, а если дело обернется плохо, то причастить умирающих. Он до неприличия радовался предполагаемому аресту доктора Дисмаса. Доктор Дисмас был известен своей нечестивой верой в то, что судьбой человека правит случай, а вовсе не Хранители. Он не посещал праздничных служб, хотя частенько навещался в храм, играл в шахматы с отцом Квином и часами спорил с ним о природе Хранителей и Вселенной. Жрец считал доктора Дисмаса блестящим ученым, которого еще можно спасти. Ананда же знал, что для этого доктор слишком умен и слишком полон гордыни.

– Он играет с людьми, – сказал Ананда Йаме, – ему нравится заставлять людей считать его чародеем, хотя на самом деле он не владеет такими силами. Никто не владеет, если только их не ниспосллют Хранители. Пора его наказать. Он слишком долго гордился своей славой.

– Он что-то обо мне знает, – сказал Йама, – он узнал это в Изе. Я думаю, он пытается шантажировать моего отца.

Йама описал события вчерашней ночи, и Ананда мягко сказал:

– Не думаю, что доктор Дисмас вообще что-то нашел, но он, конечно, не мог просто вернуться и сказать об этом эдилу. Он блефовал, а теперь должен за этот блеф расплачиваться. Вот увидишь, эдил проведет следствие и допросит его как следует.

– Ему надо было убить доктора на месте, а он не решился и теперь устраивает этот фарс.

– Твой отец осторожный и законопослушный человек.

– Слишком осторожный, хороший генерал разрабатывает план и наносит удар прежде, чем противник укрепит свои позиции.

Ананда возразил:

– Он не мог убить доктора Дисмаса на месте или даже просто его арестовать. Это было бы незаконно. Он должен провести консультации с Комитетом Ночи и Алтаря. В конце концов, доктор Дисмас – их человек. Так свершилось бы правосудие, и все были бы удовлетворены. Вот почему он приказал выбрать добровольцев из толпы. Чтобы все оказались втянуты в это дело.

– Может, и так, – согласился Йама, но все равно Ананда его не убедил. Он чувствовал возбуждение и одновременно стыд, что все эти события связаны каким-то образом с тайной его происхождения. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось, но другая часть его личности, та сумасбродная часть, что мечтала о пиратах и авантюристах, восхищалась демонстрацией силы; теперь Йама был более чем когда-либо уверен, что не сможет тихонько проводить свои дни в какой-нибудь конторе в стенах Департамента Туземных Проблем.

Таран все бил и бил, но не было никаких признаков, что дверь поддается.

– Она укреплена железом, – сказал Ананда, – на ней нет петель, она сдвигается в сторону. В любом случае еще долго ждать, даже когда они разобьют дверь.

Йама заметил, что Ананда слишком уж сведущ в процедуре осады.

– Я уже видел такое, – объяснил Ананда. – В маленьком городке у стен монастыря, где меня воспитывали, высоко в горах, выше по течению, чем Из. Банда разбойников заперлась в доме. В городе был только маленький отряд милиции, а Из находится в двух днях пути – пока солдаты добрались бы туда, бандиты легко могли скрыться под покровом темноты. Милиционеры решили сами схватить разбойников. Но когда они хотели вломиться в дом, нескольких человек убили, так что в конце концов они сожгли весь дом и бандитов вместе с ним. Это нужно сделать и здесь, иначе солдатам придется искать доктора Дисмаса по всем этажам. Он

сможет убить еще много народу, прежде чем его арестуют, а представь себе, вдруг у него есть что-нибудь вроде паланкина и он просто улетит?

– Тогда мой отец бросится за ним в погоню. – Йама засмеялся, представив такую картину: доктор Дисмас вылетает из башни, как летающий таракан, а эдил в своем богато украшенном паланкине устремляется за ним, как голодная птица.

Толпа радостно ахнула. Йама и Ананда, расталкивая всех локтями и коленями, пробрались вперед и увидели, что дверь раскололась снизу доверху.

Сержант Роден поднял руку, и на миг установилась выжидательная тишина:

– Еще разок, ребята, вложите всю душу.

Таран ударил, дверь разлетелась в щепки и выпала. Толпа подалась вперед, унося с собою Ананду и Йаму, солдаты оттесняли людей назад. Один из них узнал Йаму.

– Вам не следует здесь находиться, молодой господин, – сказал он, – отправляйтесь домой, будьте благоразумны.

Йама отскочил прежде, чем солдат успел его схватить, и вместе с Анандой вернулся к своему прежнему наблюдательному пункту на разбитом выступе скалы, откуда им все было видно над головами толпы и цепочкой вооруженных солдат. Группа добровольцев наносила короткие быстрые удары по обломкам двери, а потом отступила в сторону, пропуская пятерку солдат (позади них тащился командир отряда милиции), которые подошли, держа наготове ружья и арбалеты.

Во главе с сержантом Роденом команда исчезла в темном проеме. На миг стало тихо, все чего-то ждали. Йама посмотрел на эдила, тот сидел, выпрямив спину, под балдахином паланкина с мрачным выражением лица. Белые перья, опускающие высокий ворот его соболиной мантии, трепетали от утреннего ветерка.

Вдруг раздался глухой взрыв. Оранжевый дым повалил из окон башни, волнами растекаясь в воздухе. В толпе зашумели, не понимая, входит ли это в план атаки или же это отчаянный ход обороняющихся. Новые удары, теперь дым валил уже из всех окон и из дверного проема. Спотыкаясь, из башни вывалились солдаты, последний – сержант Роден, тащивший командира милиционеров.

Теперь к дыму, рекой льющемуся из окон, примешивались языки пламени, сам дым из оранжевого медленно приобретал голубой оттенок. Некоторые в толпе встали на колени и прижали кулаки ко лбу, изображая знак Хранителей.

Ананда сказал Йаме:

– Это дело рук демона.

– Я думал, ты не веришь в магию.

– Нет, но в демонов верю. В конце концов, именно демоны пытались столетие назад уничтожить заведенный Хранителями порядок. Возможно, доктор Дисмас – как раз демон, замаскированный под человека.

– Демоны – это машины, а не сверхъестественные существа, – сказал Йама, но Ананда отвернулся посмотреть на горящую башню и, казалось, его не слышал.

Пламя забиралось все выше, кольцо огня охватило декоративный шпиль на крыше башни. Красный дым туманил воздух, сквозь него, кружась, опускались крупные хлопья белого пепла. Пахло серой и чем-то неприятно сладковатым. Потом вновь раздался взрыв, и громадный язык пламени метнулся из дверного проема. Шпиль башни разлетелся на куски. Горящие ошметки пластиковой фольги дождем посыпались на головы толпы, и люди кинулись бежать в разные стороны.

В первых рядах возникла паника, сзади напирали, десятки людей полезли через стену, и Йама с Анандой потеряли друг друга. Одна из лошадей подалась назад, ударив копытом человека, который хотел взять ее под уздцы. Паровая повозка пылала. Водитель выскочил из

горящей кабины и стал кататься по земле, чтобы потушить тлеющую одежду; он вскочил на ноги как раз в тот момент, когда взорвались заряды в кузове, обратив его в раскаленный пепел.

Осадные ракеты полетели во всех направлениях, волоча за собой горящие хвосты веревок. Взорвалась бочка с напалмом, став маслянисто-огненным шаром и выбросив в небо грибовидное облако кипящего дыма. Пламя выплевывало языки так далеко, что люди искали любого укрытия, которое только могло защитить. Йама упал на землю и закрыл голову руками, а вокруг падали горящие обломки.

Потом наступила поразительная тишина. Йама поднялся на ноги, в ушах у него шумело, тут чья-то тяжелая рука легла ему на плечо и заставила обернуться.

– Мы с тобой еще не закончили, – сказал Лоб. За его спиной, выставив клыки, ухмылялся Луд.

6

ТАВЕРНА БУМАЖНЫХ ФОНАРЕЙ

Луд взял нож Йамы и заткнул его себе за пояс, рядом с собственным кривым лезвием.

– Не вздумай звать на помощь, – предупредил он, – или мыотрежем тебе язык.

Люди вокруг поспешно двигались в сторону городских ворот. Лоб и Луд, схватив Йаму за руки, тащили его в толпе. Яростный огонь пожирал башню, эта мощная гигантская труба выбрасывала в воздух густой красный дым, который смешивался с копотью горящей повозки и дымом бесчисленных мелких пожаров и застилал солнце. Несколько лошадей, сбросив всадников, носились бешеными кругами. Сержант Роден метался среди огня и дыма, пытаясь организовать контрмеры: несколько солдат и милиционеров уже сбивали мокрыми одеялами огонь там, где загорелась трава.

Толпа разделилась на два потока вокруг Ананды и жреца. Они стояли на коленях около лежащего человека, смачивая его лицо маслом и читая отходные молитвы. Йама обернулся и попытался перехватить взгляд Ананды, но Луд зарычал, силой повернул его голову и потащил дальше.

Дым горящей башни висел над тесно сомкнутыми крышами городка. Вдоль старого берега лодочники заворачивали товары в одеяла. Торговцы и приказчики закрывали окна ставнями и становились у дверей на страже, вооружившись ружьями и секирами. Народ уже громил дом, где у доктора Дисмаса была аптека. Люди тащили мебель на веранду второго этажа и выбрасывали ее на улицу; книги летели вниз, как птицы с перебитыми спинами, кувшины с ингредиентами лекарств раскалывались об асфальт, над ними взлетали облака разноцветных порошков. Какой-то человек методично разбивал окна тяжелым молотком.

Лоб и Луд протолкнули Йаму сквозь бесконечную толпу и повернули в переулок – скорее замощенную тропу над зеленой водой канала. Одноэтажные домишки, теснившиеся вдоль канала, были сложены из камня, добытого из древних величественных зданий, и потому высокие узкие окна окаймлялись разномастными кусками полустертой резьбы или осколками каменных панелей со следами текстов на давно забытом языке. Покатые настилы вели к грязной пенной воде; в этой части города жили одинокие батраки, личные купальни им были не по карману.

Сначала Йама решил, что братья притащили его в этот убогий незаметный переулок, чтобы здесь рассчитаться с ним за его вмешательство в ту забаву с отшельником. Он собрался с духом, но его все еще толкали вперед. Наконец они с улицы вошли в таверну: Луд впереди, а Лоб замыкающий; над головой у них поскрипывала и шуршала на вонючем ветру цепочка древних бумажных фонариков.

Половину помещения занимал бассейн, подсвеченный изнутри зелеными подводными лампочками. Стертые ступени вели к луже светящейся воды. В центре бассейна на спине плавал чудовищно толстый человек, тени металась по галереям, окружающим комнату с трех сторон. Когда Лоб и Луд шли мимо бассейна, человек засопел и пошевелился. Лоб бросил монету. Толстяк поймал ее подвижными пухлыми губами подковообразного рта. Нижняя губа его вывернулась и монета исчезла в утробе. Он снова засопел и закрыл глаза.

Луд уколол Йаму концом ножа и толкнул мимо кучи бочек к узкому проходу, приведшему их в маленький дворик. Здесь, под стеклянной крышей в пятнах водорослей и черной плесени, находилось нечто вроде клетки из витой проволоки, занимающей почти все пространство между белеными стенами: с обеих сторон оставалось лишь с ладонь свободного места. А внутри клетки, под проволочным потолком сидел, согнувшись за шатким столиком, доктор

Дисмас и читал книгу. В костяном мундштуке дымился окурок сигареты с гвоздичным ароматом.

– Вот он, – сказал Луд. – Мы его привели.

– Давайте его сюда, – сказал аптекарь и нетерпеливо захлопнул книгу.

Забыв страх, Йама окаменел. Луд отпирал дверь в клетку, а Лоб грубо обхватил Йаму за спину, потом его втокнули внутрь, дверь захлопнулась, за спиной щелкнул замок. – Нет, – усмехнулся доктор Дисмас, – я далеко не мертв, хотя мне и пришлось заплатить немалую цену за спасение. Закрой рот, мальчик, а то ты похож на лягушку. Ты ведь любишь охотиться на лягушек?

С той стороны Лоб и Луд толкали друг друга в бок.

– Ну, давай, – бормотал один.

– Лучше ты.

Наконец Луд решился и сказал доктору:

– Вы должны нам заплатить. Мы сделали, что вы сказали.

– В первый раз у вас не вышло, – ответил доктор Дисмас, – я не забыл. Это еще не вся работа, если я заплачу вам сейчас, вы все пропьете. Сейчас уходите. Вторую часть мы выполним через час после захода солнца.

Снова посоветовавшись с братом, Луд сказал:

– Мы подумали, может быть, вы заплатите за одно это, а потом мы сделаем другое.

– Я сказал, что заплачу, если вы приведете мальчишку сюда. И я заплачу. И заплачу еще больше, если вы поможете мне доставить его человеку, который меня послал. Но если не все будет сделано до конца, как я сказал, денег не будет вообще.

– Может, мы сделаем одно, – стал канючить Луд, – а второе не будем?

Доктор Дисмас резко ответил:

– Когда я сказал вам начинать вторую часть дела?

– На заходе, – со злостью буркнул Лоб.

– Через час после захода. Запомните это. И мне, и вам будет одинаково плохо, если работа окажется сделана не так, как надо. В первый раз у вас сорвалось. Смотрите, чтобы это не повторилось.

Луд злобно пробормотал:

– Мы же его привели, разве нет?

Лоб добавил:

– Мы бы его и в ту ночь поймали, если бы не попался этот вонючий старик с палкой.

Йама смотрел на братьев-близнецов через ячейки сетки. Они избегали его взгляда. Он сказал:

– Выпустите меня. Я скажу, что вы спасли меня в давке. Я не знаю, что обещал вам доктор Дисмас, но отец заплатит за мое спасение вдвое больше.

Луд и Лоб хмыкнули, хлопая друг друга по ребрам.

– Ну и чудик! Прямо настоящий маленький джентльмен.

Лоб рыгнул, его брат заржал. Йама обернулся к доктору Дисмасу.

– То же самое относится и к вам, доктор.

– Мой дорогой мальчик, не думаю, что моя цена устроит эдила, – ответил доктор Дисмас, – я был счастлив в своем доме с моими книгами и опытами. – Он приложил руку к своей узкой груди и вздохнул. У него было шесть пальцев с заостренными ногтями.

– Теперь все пропало благодаря тебе. Ты мне много чего должен, Йамаманам, и я собираюсь все получить сполна. Мне не нужна благотворительность эдила.

Йама почувствовал странную смесь возбуждения и страха. Он был уверен, что доктор Дисмас обнаружил его расу, а может быть, нашел и семью.

– Значит, вы и правда узнали, откуда я родом. Вы нашли мою семью, ну, то есть мою настоящую семью...

– Кое-что получше, куда лучше, – сказал доктор Дисмас, – но сейчас не время об этом говорить.

Йама упрямо сказал:

– Я хочу узнать прямо сейчас, я заслужил. Доктор Дисмас вдруг разозлился:

– Я тебе не прислуга, мальчишка. – Он протянул руку и нажал на какую-то точку на руке Йамы. Голова Йамы наполнилась вдруг яркой, как свет, болью. Он упал на колени на сетчатый пол клетки, а доктор Дисмас обошел стол и взял Йаму за подбородок длинными холодными костлявыми пальцами.

– Теперь ты мой, – сказал он, – не забывай об этом. – Он снова повернулся к близнецам:

– Почему вы все еще здесь? Вы уже получили приказ.

– Мы вернемся вечером. Смотрите, заплатите тогда.

– Конечно, конечно.

Как только близнецы ушли, доктор Дисмас сказал Йаме доверительным тоном:

– Честно говоря, я бы предпочел работать один, но едва ли мог позволить себе бродить в толпе, когда все считали, что я в башне. – Он просунул руки Йаме под мышки и поднял его.

– Пожалуйста, сядь, будь любезен. Мы цивилизованные люди. Ну вот, так-то лучше.

Йама присел на краешек хлипкого металлического сиденья и некоторое время просто дышал, пока боль не свернулась, превратившись в теплый комок в мышце плеча. Наконец он сказал:

– Вы знали, что эдил собирается вас арестовать.

Доктор Дисмас вернулся на свое место с другой стороны стола. Вставив в мундштук новую сигарету, он произнес:

– Твой отец слишком серьезно относится к своим обязанностям. В соответствии с правилами он сообщил о своих намерениях в Комитет Ночи и Алтаря. Один из его членов – мой должник.

– Если между вами и моим отцом есть какие-то проблемы, я уверен, их можно решить, но пока вы держите меня в плену, ничего не получится. Как только пожар в башне утихнет, начнут искать тело, не найдут и станут искать вас. А город у нас маленький.

Доктор Дисмас выпустил струю дыма в проволочный потолок клетки.

– Как хорошо научил тебя логике Закиль. Довод вполне убедительный, но они найдут тело.

– Значит, вы с самого начала планировали сжечь свою башню, и нечего за это винить меня. Думаю, что, уходя, вы унесли свои книги.

Доктор Дисмас не стал отрицать. Он спросил:

– Кстати, как тебе понравилось представление?

– Некоторые верят, что вы колдун.

– Колдунов не бывает. Те, что называются колдунами, обманывают и себя, и своих клиентов. Мое маленькое пиротехническое представление создано просто несколькими аккуратно смешанными солями, которые воспламенились от электрического детонатора при замыкании цепи, когда какой-то бегемот наступил на пластину, спрятанную под ковриком. Примитивный фокус. Его может показать любой ученик аптекаря, достойный этого звания, но, конечно, не в таких масштабах.

Доктор Дисмас ткнул в Йаму пальцем, и тот с трудом удержался, чтобы не отшатнуться.

– Все из-за тебя. Ты – мой должник, Йамаманама. Дитя реки, это правда, но вот какой реки, хотелось бы мне знать. Уверен, что не нашей Великой Реки.

– Вы что-то знаете о моей семье! – Йама не мог сдержать жадного любопытства, и оно прозвенело в его голосе, поднимаясь и раздуваясь в его душе – он хотел смеяться, петь, танцевать. – Вы знаете о моей расе.

Доктор Дисмас сунул руку в карман своего длинного сюртука и достал пригоршню пластмассовых соломинок. Он посчитал их в своей длинной костлявой ладони и бросил на стол. Он хотел принять решение, обращаясь к методу случайных чисел; Йама уже слышал об этой его привычке от Ананды, который сообщил о ней возмущенным тоном. Йама спросил:

– Вы решаете, сказать мне или нет, доктор?

– Ты смелый мальчик, раз спрашиваешь о запретных знаниях, ты заслуживаешь какого-то ответа.

Доктор Дисмас стряхнул с сигареты пепел.

– Быки и верблюды, антилопы, ослы и лошади, – все работают в ярме под надзором мальчишек не старше тебя, и даже моложе, а вооружены они только свежесрезанной хворостиной – больше им нечем грозить своим подопечным. Почему так происходит? Потому что та часть существа этих животных, которая рвется к свободе, была сломлена и заменена привычкой. Чтобы поддерживать эту привычку, достаточно хворостины, ничего больше. Даже если освободить этих животных от грузов и упряжи, они окажутся слишком изломанными, чтобы вообразить, что можно уйти от хозяев. Большинство людей похоже на этих животных, дух их изломан страхом перед фантомами религии и власти. Я много трудился, чтобы сломать привычку. Надо быть непредсказуемым – только так можно обмануть тех, кто считается хозяевами людей.

– Я думаю, вы не верите в Хранителей, доктор.

– Я не ставлю под сомнение их существование. Разумеется, они когда-то существовали. Наш мир – тому доказательство; Око Хранителей, упорядоченная Галактика – это все доказательства. Но я ставлю под сомнение великую ложь, которой жрецы гипнотизируют население, что Хранители наблюдают за нами и мы должны соответствовать их требованиям, чтобы заслужить воскрешение и вечную жизнь после смерти. Как будто существа, определяющие траектории звезд, могут думать о том, бьет ли человек свою жену, или о том, дразнит ли один ребенок другого. Это хлыст, который удерживает людей на своих местах, чтобы так называемая цивилизация могла катиться по накатанной дороге. Плевать я на это хотел!

Тут доктор Дисмас и правда сплюнул, деликатно, как кот, но Йама все-таки был поражен.

Аптекарь снова пристроил свой сигаретный мундштук во рту, вцепившись в него крупными тупыми зубами.

Когда он улыбался, не выпуская мундштука, бляшки на скулах выглядели как рельеф древесины. Доктор Дисмас продолжал:

– Хранители создали нас, но теперь они ушли. Они мертвы, и это дело их собственных рук. Они создали Око и провалились за его горизонт со всеми своими мирами. А почему? Потому что они отчаялись. Они трансформировали Галактику и могли переделать Вселенную, но у них не выдержали нервы. Они оказались трусливыми дураками, и каждый, кто верит, что они все еще за нами следят, еще худший дурак.

На это Йама ответить не мог. Не было нужного ответа. Ананда прав. Аптекарь – это монстр, не желающий служить никому и ничему, кроме своей чудовищной гордыни. Доктор Дисмас сказал:

– Хранители ушли, но машины остались, они по-прежнему следят за нами и управляют миром по устаревшим рецептам. Разумеется, они не могут одновременно следить за всем, вот они и строят модели, чтобы прогнозировать поведение людей, а потом следить только за отклонениями от нормы. В большинстве случаев и с большинством людей это срабатывает, но существуют люди, которые, подобно мне, не поддаются прогнозированию, потому что отдают важные решения на волю случая. Машины не в состоянии отследить произвольные пути в каждый отдельный момент, и потому мы становимся невидимками. Но, конечно, клетка вроде этой

тоже помогает от них спрятаться. Она экранирует контрольные тесты машин. Поэтому я ношу шляпу, в ней подкладка из серебряной фольги.

Йама засмеялся: доктор на полном серьезе признавался в своей смешной привычке.

– Значит, вы боитесь машин.

– Вовсе нет. Но они меня очень интересуют. У меня есть небольшая коллекция деталей машин, извлеченных из раскопок на развалинах в пустынях за срединной точкой мира – одна, почти целая, настоящее сокровище.

Доктор Дисмас вдруг резко сжал голову, сильно потрянул ею и подмигнул Йаме:

– Но не следует говорить об этом. Не здесь. Они могут услышать, даже в этой клетке. Одна из причин, почему я приехал сюда, – это активность машин, здесь она выше, чем где-либо во всем Слиянии, даже в Изе. И вот я, мой дорогой Йамаманама, нашел тебя.

Йама показал на соломинки, разбросанные по столу. В сечении они были шестиугольными, а вдоль граней виднелись красные и зеленые иероглифы какого-то неизвестного языка. Он спросил:

– Вы отказываетесь признавать власть Хранителей над людьми, а сами следуете указаниям этих кусочков пластмассы.

Доктор Дисмас ответил хитрым взглядом:

– Но именно я решаю, какой задать вопрос. У Йамы в голове был только один вопрос:

– В Изе вы узнали что-то о моей расе и сообщили отцу то, что узнали. Если вы не хотите рассказать мне всего, пожалуйста, расскажите хотя бы то, что сказали ему. Может быть, вы нашли там мою семью?

– Чтобы найти твою семью, нужно смотреть дальше Иза, мой мальчик, и, вероятно, у тебя будет такая возможность. Думаю, эдил по-своему неплохой человек, но это лишь означает, что он всего только скромный чиновник, не способный ни на что большее, кроме как управлять маленькой хиреющей провинцией, ни для кого не представляющей интереса. В его руки попал приз, способный определять судьбы всех народов Слияния, более того – всего мира, а он ничего не предпринимает. Такой человек заслуживает наказания, Йамаманама. А что касается тебя, в тебе таится огромная опасность, потому что ты не ведаешь, кто ты.

– Мне бы очень хотелось узнать. – Йама и половины не понял из того, что говорил доктор Дисмас. С замиранием сердца он подумал, что, вероятно, этот человек – сумасшедший.

– Невинность – не оправдание, – сказал доктор Дисмас, но, казалось, он говорит сам с собой.

Длинными костлявыми пальцами он шевелил на столе соломинки, как будто пытаясь изменить свою судьбу. Он зажег следующую сигарету и стал смотреть на Йаму не отрывая взгляда. Йама почувствовал себя неуютно и отвернулся.

Доктор Дисмас засмеялся, вынул вдруг небольшой кожаный футляр и раскрыл его на столе. Внутри находились стеклянный шприц, прижатый эластичными петлями, спиртовая горелка, изогнутая серебряная ложка, вся в темных разводах, маленькие пестик и ступка, а также несколько бутылочек с резиновыми пробками. Из одной бутылочки доктор Дисмас достал сушеного жука и положил его в ступку, из другой добавил несколько капель прозрачной жидкости, наполнившей комнату резким запахом абрикосов. Доктор Дисмас с величайшим тщанием растер жука в кашицу и переложил ее, выскребая все до капельки, в ложку.

– Кантарид, – сказал он, как если бы это все объясняло. – О, ты еще слишком молод и не поймешь, что временами для такой тонкой натуры, как у меня, мир становится слишком невыносимым.

– Мой отец говорит, что это навлекло на вас неприятности в вашем Департаменте. Он говорит...

– Что я поклялся, что перестану его употреблять? Ну разумеется. Я так сказал. Если бы не сказал, они не позволили бы мне вернуться в Эолис.

Доктор Дисмас зажег фитиль спиртовой горелки от огнива и подержал ложку над голубым пламенем, покуда паста не превратилась в жидкость и не начала закипать. Запах абрикосов усилился, в нем появился металлический привкус. Доктор Дисмас наполнил жидкостью шприц и постучал по стеклу, чтобы лопнули пузырьки на стенках.

– Не надейся убежать, – сказал он, – у меня нет ключа.

Он положил левую руку на стол, потер складку кожи большим и указательным пальцем, нащупал вену и воткнул иглу, затем оттянул поршень шприца – в бледно-коричневом растворе появились красные струйки – и надавил на поршень до отказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.